

ЕЛЕНА ЯМПОЛЬСКАЯ

О культуре и не только

Елена Ямпольская

О культуре и не только

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36984540

О культуре и не только: Издательский дом «Городец»; М.; 2016

ISBN 978-5-90681-542-2

Аннотация

Елена Ямпольская – главный редактор газеты «Культура». Член президиума Совета по культуре и искусству при президенте РФ, Патриаршего совета по культуре, Высшего совета партии «Единая Россия». Лауреат Золотой Пушкинской медали, памятной медали имени Василия Шукшина, премий «Чайка», «Искра». «О культуре и не только» – сборник избранной публицистики последних лет. По материалам газет «Культура», «Известия».

Содержание

От автора	6
Культурная политика	11
Дом или виселица?	12
Веселее, мы в культуре!	18
Сентябрьские иды	22
Здравия желаем	30
Белая зависть	35
Клавдия Шульженко против Кончиты Вурст	41
Игра в «балду»	47
Видишь ли, Вася... или Как меня не показали по «Рен-ТВ»	53
Циники и лирики	60
Худсовет для Крыма	69
Чего вы хотите, ребята?	78
Вызывают? Отвечайте!	83
«Тангейзер»: не диагноз, а симптом	90
О пользе сытости	98
Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко: «Культура – огромный ресурс экономического и социального развития»	104
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Елена Ямпольская

О культуре и не только

© Елена Ямпольская, 2016

*** * ***

От автора

Пожалуй, ни в какой иной сфере последние не становятся первыми с той же неотвратимостью, как в журналистике. Твой последний, то есть крайний на данный момент, текст предьявляет людям тебя сегодняшнего как на ладони. Слово работает не хуже рентгена.

И вот это слово перед вами. Прочее здесь собранное написано раньше. Зачастую значительно раньше.

Журналист не живет в вечности. Он лишь пытается уловить приметы вечного в сиюминутном. Сиюминутное преобладает. Потому и принято считать, что продукт мы производим скоропортящийся, пригодный к употреблению день-два, максимум – неделю. Газетные публикации под книжной обложкой – чем оправдана такая затея? Имеются ли для этого резоны, кроме авторского тщеславия?

По моему глубокому убеждению, рубеж первого и второго десятилетий XXI века стал в России революционным для гуманитарной сферы – то есть всего, что касается формирования человеческой личности. Многим из тех, чье главное занятие – рассказывать о культуре, пришлось выйти за пределы дежурного набора «спектакль – выставка – концерт». Залогом достойного сохранения в профессии стала способность вести разговор на смыслообразующем уровне, отстаивать собственную позицию – не только эстетическую, но

еще (и прежде всего) этическую, нравственную, гражданскую. При необходимости вступая за нее в бой. Бывало, в одиночку – против сплоченных и не самых благородных оппонентов. Взыскательное «Ты за кого?» звучало по многообразным поводам и неизменно требовало внятного ответа.

Скажем прямо, в последние пять – семь лет на журналистскую долю выпало больше борьбы, нежели любви.

Сегодня, осторожно празднуя победу здравых начал в современной российской жизни, мы припоминаем (либо открываем для себя заново), что борьба хороша, когда расчищаешь площадку. Для строительства нужна любовь.

«У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма», – говорит лидер страны. Патриотизм – то есть любовь к своему Отечеству – в человеке надо взращивать. И это всегда было миссией культуры. Так называемый «культурный багаж» каждого из нас – драгоценная коллекция всего, что мы любим. Что позволяет сохранить связь с родной землей, вне зависимости от того, легко или трудно на этой земле живет. И, ощущая себя частью мира, ни при каких обстоятельствах не забывать – кто ты, откуда, где твоя точка опоры...

Чем острее проблемы, масштабнее задачи, стоящие перед обществом, тем большее значение приобретают душевные качества – наши с вами конкретно и народа в целом. Народное единство – если говорить о нем не высоким штилем, а спуститься на земной уровень – это умение ценить свою и чу-

жую жизнь и готовность соотносить личные интересы с интересами близких, соседей, знакомых и незнакомых людей и, наконец, целой страны. Что может сделать отечественная культура ради такого результата? Практически ничего – если под словом «культура» мы понимаем совокупность неких самовыражений. Абсолютно все – если подразумевать под культурой то, что стимулирует работу души. То есть сохраняет и приумножает человеческое в человеке.

Судя по опросам общественного мнения, в области культуры мы завершили 2015-й с тревожными показателями. Среди десятка наиболее продаваемых книг – только две отечественные, причем обе – чистая жвачка. Главный фильм года, по мнению россиян, – седьмой эпизод «Звездных войн». Любимого актера кое-как выбрали четырьмя процентами голосов – низковат рейтинг, не находите?

А ведь родные сюжеты, культовые герои, образы, которые становятся нарицательными, – обязательная составляющая любви к Отечеству. Здание патриотизма надежнее всего возводится из таких кирпичиков.

Мы помним, что у нас была культура, которая объединяла огромную страну и умела превращать толпу в народ. Когда о рейтингах не слышали, зато нормой считались десятки миллионов кинозрителей и ночные очереди к театральным кассам. Пренебрегать тем опытом – значит разбазаривать чрезвычайно важный ресурс национального строительства.

Однако речь идет не о бесконечной эксплуатации насле-

дия, на которой мы выезжаем уже четверть века. Надо понимать: советский источник иссякает – в силу объективной смены поколений. Что для наших родителей – сама жизнь, а для нас – теплая память детства, двадцатилетним мало о чем говорит. Изменилось само значение слов: подтяжками теперь удерживаются лица, а не брюки, «На зарядку становись!» звучит как голосовая команда для смартфона...

Наивно было бы надеяться, что мы «прокормим» новые поколения шедеврами советского времени. Вообще, любое наследие ценно только тогда, когда становится почвой для новых ростков.

Мы встречаемся с вами, дорогие читатели, на переломном этапе. Период борьбы заканчивается. Начинается время созидания, время любви. И сегодня ответить на вопрос: «Ты за кого?» – для меня очень просто. Я за тех, кому в основном посвящена эта книга. За Пушкина и Шукшина. Барто и Крапивина. Пахмутову и Захарченко.

Я за все, что дает силы жить. «Простую историю» и «Легенду № 17». Степной дух Вёшенской, израненные сосны Михайловского, древние стены Псково-Печерской обители, старинное село Вятское, вызванное из забвения усилиями меценатов и ставшее у нас на глазах новой жемчужиной Золотого кольца...

А еще – и в первую очередь – я за тех, кого назовут мастерами в будущем, кто войдет в хрестоматии спустя десятилетия, но дарить нам радость начнет уже очень скоро.

Если поддержать их сегодня, они ответят стране взаимностью. И любви в нашей жизни станет больше.

Культурная политика

Дом или виселица?

28.09.2012

ВСЕ, КОМУ повезло сначала оказаться приглашенными в состав нового президентского Совета по культуре и искусству, а затем еще и найти свое имя в списке выступающих, мечтали, конечно же, высказаться по полной. Однако заготовленные трактаты вошли в противоречие с регламентом. Лично я рада, что многое смогла сказать президенту, но читатель имеет право знать всё. Вот как это было на бумаге:

«Многоуважаемый господин президент, дорогие коллеги! В нашем отношении к культуре есть любопытный парадокс. Поскольку на протяжении многих лет постсоветского периода культура не была избалована особым государственным вниманием и финансировалась по пресловутому «остаточному принципу», в общественном сознании возникла обратная установка: все, что имеет отношение к культуре – или называет себя культурой, – безусловно, хорошо и полезно; пусть распускаются все цветы – в том числе цветы зла; художник имеет право на любое самовыражение, не зафиксированное в Уголовном кодексе, а отчасти – даже и зафиксированное... Культуру и без того обижают, следовательно – она неприкасаема, она прекрасна и бесспорна во всех своих проявлениях.

Однако сейчас, когда плотность обид, наносимых культу-

ре, заметно сократилась, мне кажется, эту позицию стоит пересмотреть.

Понимаю, что для многих такая мысль прозвучит крамольно, но, на мой взгляд, культура – вещь прикладная. Культура – это средство, а не цель. Средство сделать человека лучше, а его жизнь – краше.

Когда я слышу о том, что наша главная задача – повысить доступность культуры, привести ее в каждый дом, в каждое село, построить в малых городах кинотеатры, я думаю: а какие фильмы будут крутить в этих кинотеатрах? «Обитель зла»? Что будет выставляться во вновь построенной галерее – «Духовная брань», вдохновленная небезызвестным «панк-молебном»? Чем украсится провинциальный город за большие бюджетные деньги – безголовыми человечками? Да упаси Боже от такой культуры. Не можем помочь, так не будем хотя бы развращать.

Прежде чем говорить о всеобщей доступности, о технологиях максимального распространения культуры, хорошо бы сначала определиться – ЧТО ИМЕННО мы хотим распространять. Уже есть примеры, когда культурные революции, спущенные сверху, не вызывали в людях ничего, кроме отторжения.

Законом о культуре, даже если таковой вскорости будет принят, подобные вопросы не решаются. Любой закон – это инструмент. Набор инструментов. Что мы собираемся строить при помощи этого набора – дом, виселицу? Надо решить

заранее.

Можно завезти в каждую деревню по баяну, но нельзя заставить людей петь. Поют не от наличия баяна, а от душевной потребности. Можно отдать арендатору исторический особняк и сказать «восстанавливай!», но если этот арендатор, этот бизнесмен рос и воспитывался в 90-е, то реставрацией он займется лишь под угрозой серьезного наказания. Других мотиваций у него нет.

Эффективность культурной жизни определяется не только количеством премьер, выставок или наград на международных фестивалях. Но еще (и, может быть, в первую очередь) тем – стало ли в стране меньше брошенных детей. Снижился ли уровень насилия – в семьях, на улицах. Гаснут или, напротив, разгораются межэтнические конфликты.

Почему-то такое целеполагание считается для культуры низменным, мелким, неприличным. А снимать маргинальное кино, после которого людям жить не хочется, – занятие, достойное настоящего творца.

Врач «скорой помощи» приехал и НЕ вымогает деньги у больного старика – значит, все в порядке у нас с культурой. Человеку в голову не придет сесть пьяным за руль – вот это культура. Повысился престиж рабочих профессий – парень хочет пойти в токари, а не в мерчендайзеры... Гектары пахотной земли не глохнут под сорняками...

Вы скажете, что часть перечисленного регулируется Уголовным кодексом, а остальное – экономической целесооб-

разностью. А я отвечаю, что очень печально, если Уголовный кодекс заменяет обществу совесть и культуру, потому что настоящая культура всегда состоит в родстве с совестью.

Что же касается экономики, никогда для русского человека выгода, барыш не были основополагающими. Если заставить его жить исключительно по экономическим законам, он перестает быть русским, а зачастую – и вообще перестает быть человеком.

Не только экономика определяет атмосферу в стране. Атмосфера тоже способна благотворно влиять – в том числе, и на экономику.

Когда человек знает, кто он, на какой земле живет, к чему стремится его страна и от каких нравственных устоев она ни под чьим давлением не откажется, к какому общему делу он призван, – вот где-то здесь и возникает желание запеть.

При этом совершенно не надо заниматься примитивной лобовой пропагандой. Когда в столице обострилась проблема так называемой «лимиты», появился фильм «Москва слезам не верит». Заодно и «Оскара» получил... Когда квартирный вопрос стал людей портить, возникла комедия «По семейным обстоятельствам». И мы до сих пор смотрим, смеемся, умиляемся и на этих старых фильмах о главном лет десять еще протянем, судя по всему.

Никто не говорит о запретах. Запрет – унылая вещь, а культура требует творческого подхода, креатива, как теперь выражаются. Но очень важно, на мой взгляд, четко расста-

вить нравственные приоритеты и поощрять, прежде всего, те культурные проекты, которые в эту ценностную систему вписываются.

Пока мы стыдливо соглашаемся: да-да, конечно, культура должна быть свободна от всякой идеологии, ее ой как используют в идеологических целях – только во вред стране. Постоянно слышны призывы к компромиссам, но компромисс – это топтание на нулевой точке. Нашим, вашим, шаг вперед, шаг назад. Хватит компромиссов.

Главным проводником культуры – а равно и бескультурья – в современном мире остаются средства массовой информации. Именно от нас, журналистов, во многом зависит формирование той самой АТМОСФЕРЫ в стране. Но журналистам нужна поддержка – общественных организаций, государственных органов. Вот пример: мы на свою газету вынуждены теперь ставить ценз 12+, 16+... и вполне законопослушно это делаем. Однако я включаю телевизор и вижу, как среди бела дня по экрану ползут строчки: «Мужчина познакомится с юношей для серьезных отношений». Никуда не делись реалити-шоу, от мерзоты которых здорового человека выворачивает наизнанку. Получается, все эти возрастные ограничения – просто фиговый листок, чтобы отдельные СМИ могли и дальше зарабатывать на развращении нации?

В наших силах – сформировать мнение в профессиональном сообществе: что новости могут быть не только плохими; что события в стране не исчерпываются криминальной хро-

никой, а отечественная культура – тремя десятками так называемых медийных лиц. Кто-то должен назвать всё своими именами. В конце концов, это и есть главная задача пишущих людей. Предлагаю начать. Спасибо.»

Веселее, мы в культуре!

27.06.2013

ДЛЯ ЧЕГО вообще нужно государство? На мой взгляд, чтобы создавать человеку все условия быть хорошим.

А поскольку, чтобы стать хорошим, большинство из нас должно пройти определенный путь – совершить неизбежные ошибки, пометаться, посомневаться, следовательно, задача государства – обеспечить каждому гражданину возможность личного совершенствования.

Задача не только богоугодная, но и вполне прагматическая: процент хороших – порядочных, добрых, смелых, трудолюбивых, хоть сколько-нибудь целомудренных – людей в стране является значимым фактором национальной безопасности. Едва ли не основополагающим. Взорвать пресловутый «Дом-2» надо не потому, что мы ханжи, а ради того, чтобы через десять лет Россия еще существовала, чтобы ее не вынесли окончательно в карманах, не прокурили на диванах люди, воспитанные в атмосфере оголтелого цинизма.

Отношения государства и культуры я бы рассматривала в этом ракурсе. Само по себе слово «культура» не кажется мне окрашенным в сугубо позитивные тона. Именно потому, что возглавляю одноименную газету. И с первых дней на посту главреда понимала, что делать издание, посвященное исключительно премьерам, выставкам, концертам, – значит

уйти от настоящей культуры, которая узнается по плодам. Плоды эти – чистота лесов и водоемов. Обиженная земля. Физиологическое – буквально до тошноты – отторжение воровства. Здоровая способность не гоняться за чужими образцами с высунутым от восторга языком. Дети, стесняющиеся матерных слов, утренние улыбки соседей в лифте, собаки на поводках...

Настоящая культура как раз и есть инструмент, чтобы сделать человека лучше. И она всегда состоит в родстве с совестью. А премьеры, выставки, концерты, новые книги и фильмы – не всегда. По нынешним временам – увы, чрезвычайно редко.

После письма деятелей культуры в защиту «пусек» я вообще серьезно задумалась о том, что нашей стране необходим новый культурный призыв. «Медийные лица» способны только щекотать публику в разных местах. Они дискредитировали себя. На культуру тоже следовало бы распространить заповедь Гиппократов: не навреди. Не можешь сделать человека лучше – так не смей же его развращать.

Все это надо учитывать, когда речь заходит про грядущий в 2014-м Год культуры. Пришло время государству задавать стандарты и поощрять образцы. Возникла уникальная возможность назвать черное – черным, а белое – белым на сколь угодно высоком уровне. Как и произошло недавно с фильмом-триумфатором «Легенда № 17». Но не единой «Легендой...» жива страна. Легенд у нас немало.

Год какой культуры мы собираемся проводить? Вот вопрос номер один. Прочее – детали.

Официальный запрет на идеологию привел к тому, что государство десятилетиями стеснялось вмешиваться в культуру. Держало себя с неподобающей стыдливостью. При этом антироссийская пропаганда и агитация ведутся у нас нагло, уверенно, бесперебойно, во многом – средствами культуры и при активном участии деятелей этой самой «культуры». Ну и журналистов, разумеется.

На мой взгляд, параллельно с разработкой стратегии развития национальной культуры необходимо сформировать госзаказ на средства массовой информации, озабоченные не одним лишь получением прибыли. Чем соревноваться в цинизме: «Давайте организуем прокремлевское СМИ, потому что патриотизм нынче в тренде и за него бабки платят!», вспомните о провинциальных изданиях, во многом формирующих атмосферу в стране. Да, они не всегда блещут высоким профессионализмом. Но профессионализм при благоприятных условиях нарабатывается, – это подлость в порядочность переконвертировать нельзя.

Именно СМИ могут осуществить тот самый новый культурный призыв – дав подняться человеку из глубинки. Именно в провинции можно хотя бы попытаться поколебать пошлую и безнадежную «звездную» систему, которую мы, журналисты, сами и насадили.

Если благодаря высокому давлению какой-нибудь губер-

натор выделит грант местному литжурналу, если хоть одна областная или городская газета, получив финансовую подушку, не начнет в отчаянии «желтеть», Год культуры пройдет не зря. А мы готовы коллег по всей России поддержать. Ибо какой же Год без «Культуры»?

Сентябрьские иды

25.09.2013

ЧЕРЕЗ несколько дней Совет по культуре и искусству при президенте РФ соберется под председательством Владимира Путина. И на виду у телекамер, то есть перед лицом всего на-родонаселения, озаботится вопросом «культурной политики как главного инструмента укрепления единства России».

Пикантность ситуации... (В ранней постсоветской журналистике этот оборот был в большой чести. Например: «Пикантность ситуации в том, что надои по области снизились».) Так вот, пикантность ситуации заключается еще и в том, что 2014-й, как известно, объявлен Годом культуры. И если 2 октября в Кремле мы не найдем принципиально новых, глаголожущих формулировок, год этот просвистит количеством мероприятий за отчетный период. Узкий круг граждан выбросит в атмосферу тонны слов точно о культуре – в ее профессиональном либо отраслевом понимании. А народ просто ничего не заметит. Год культур-мультиур, говорите? Не знаю, не слышал, мимо, мимо.

Среди 58 членов Совета по культуре с десятков златоустов найдется. Но ведь дело не в том, чтобы сказать красиво и правильно. Сверхзадача – выразиться так, чтобы тебя услышали. Чтобы государственная машина, изумленно заскрипев, развернулась в нашу сторону.

Начинать, на мой взгляд, надо с целеполагания. Любое действие совершается энергичнее и завершается плодотворнее, если мы знаем, **ЗАЧЕМ** делаем.

Почему государство должно поддерживать культуру? Потому лишь, что высоколобые эксперты трендят: «так надо», «полагается», «прилично»? Или по той причине, что в культурной сфере заняты 798 000 россиян, и без помощи государства многие из них протянут ноги?

Первая мотивация настолько необязательна, что ее и обсуждать не стоит. Вторая – превращает культуру в досадное обременение, чемодан без ручки, а это не только стратегически бесперспективно, но и крайне унижительно по отношению к людям, среди которых, действительно, хватает и умниц, и подвижников.

Так чем же заинтересовать государство? Думаю, очевидной выгодой, заложенной в поддержке культуры.

Не той выгодой, что, мол, из нынешних детишек, поющих в хоре, вырастают завтрашние театральные зрители и посетители музеев. Вот радость... Особенно если в театре сплошь Богомоллов с Серебренниковым, тоже мне достойная миссия – растить для них публику... Не на билетопокупателей упование Отечества. «Не мелочись, Наденька!», поднимайте планочку повыше.

Вопрос надо ставить так: государство заинтересовано в дальнейшем существовании страны и народа? Если да – культурный профит распознается на раз.

Государству выгодно, чтобы граждане знали историю России и гордились ею, потому что боеспособность страны во многом зависит от морального духа военнослужащих.

Государству выгодно, чтобы большинство населения принадлежало к традиционным для России религиозным конфессиям или, по меньшей мере, воспитывалось в уважении к ним. Ибо понятия греха и стыда, – крепкое подспорье в борьбе с коррупцией. А также наилучшая профилактика этой болезни.

Государству выгодно, чтобы абсолютное большинство граждан знало великую русскую и лучшую советскую литературу, поскольку отсюда вырастает трудная, уже не отпускающая любовь к земле. И здесь же гибнет в зародыше «пуризм» – крайняя, звериная, хапужная форма эгоизма.

Государству выгодно, чтобы по всей стране восстанавливалась система домов культуры, потому как на преодоление массового алкоголизма, молодежной наркомании и вымирания села придется бросить бюджет в сотни раз больший.

Государству выгодны фильмы уровня «Легенды № 17», потому что такие ленты превращают толпу в народ. То есть – укрепляют искомое единство.

Государству выгодно, чтобы любой российский ребенок – бесплатно или за вменяемую мзду – мог заниматься творчеством. Содержать музыкальные и художественные школы дешевле, нежели тюрьмы и колонии.

Государству выгодны спортплощадки во дворах и спор-

тивные секции в школах – ибо и в армии, и в милиции (уж позвольте по-старому), и на производстве, и на земле нужны люди здоровые.

Только не говорите, что стадионы – это не культура. Самая что ни на есть – бытовая, повседневная, основополагающая. Так же как информационный фон, в котором существует 99 процентов российского населения. Культура для них – то, что вылезает из «ящика». В меньшей степени – из печатных СМИ. О какой культурной политике можно говорить, пока в стране не появится политика информационная?

Культура – это вам не просто спектакли и выставки. Культура – фактор национальной безопасности, условие дальнейшего присутствия России на карте мира. Без культуры не выравняется демография, будут падать криворуко свинченные ракеты, уступаться пришлым исконно русские территории... Без той культуры – вот важная оговорка, – которая делает нас лучше. Выстраивает ориентиры, порождает смыслы, работает над человеческим материалом. Бессмысленно и даже опасно затевать любые реформы (раньше их называли «модернизацией») на гнилом материале.

Прочими составляющими безразмерной культурной сферы государство грузить не стоит. «Не может царь думать о каждом, царь должен думать о важном!»

Культура – дело межведомственное. Точнее, надведомственное. Культура – это вопрос ценностей. Она должна внушить, внедрить в мозг новому поколению, что честный труд

престижен, а воровать – занятие отстойное. Она может и обязана донести до людей среднего и старшего возраста (их в стране, между прочим, без малого 50 процентов, и это основная масса избирателей): «Граждане, вы верили в правильные вещи. Простите, что двадцать с лишним лет ваши ценности валялись на помойке».

...Те, кому в Кремле удастся взять слово, будут апеллировать к человеку, 19 сентября произнесшему историческую речь на заседании клуба «Валдай». По моим подсчетам, в докладе Путина 9 раз употребляются слова «идеология», «идеологический». Более того, обществу предложен новый термин: «идеология развития». И даже так: «идеология национального развития».

Однокоренные идеологии «идея», «идейно» – 12 раз.

Плюс еще одно понятие, начинающееся с «ид», – «идентичность». Из уст президента прозвучало 16 раз.

Многие из тех, кто доклад слышал или читал, ждут с замиранием: неужели эти сентябрьские иды станут поворотным моментом нашей жизни?

А я вот нахально думаю: нельзя ли приспособить обнадеживающую цифирь – 9, 12, 16 – к ревизии 13-й статьи Конституции РФ? Той самой, которая начинается с запрета идеологии. Если не совсем отменить, так хотя бы отредактировать. Ведь редактура – это бог смыслов.

«Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» – попытались внушить

нам двадцать лет назад (юбилей ельцинской Конституции грядет в декабре). С тем же успехом можно заявить: «Никакое яблоко не может быть спелым или синим». Синие яблоки – действительно, плод неаппетитных фантазий. Но от спелых-то почему надо добровольно отказываться?

Обязательная идеология внедряется при помощи кнута. Государственная вполне способна удержаться путем дифференцированной раздачи пряников. Тебе – три, тебе – один, а ты вообще походи потукай сладости по карманам частных инвесторов. Поскольку от твоего творческого самовыражения государству никакой выгоды. Не станет твой фильм, роман, перформанс «инструментом укрепления единства России».

Понятно, что прежде чем менять несчастливую статью, надо договориться по набору идей, претендующих на государственный статус. Путин не сказал, какая именно идеология нам нужна. Зато уточнил, какая, по его мнению, не годится. Бывшая, советская. Еще более бывшая, дореволюционная. Наконец, ультралиберальная – то есть, прямо скажем, антисоветская и антироссийская. Трудно не согласиться: нельзя жить чистой ностальгией и уж точно нельзя – сплошной ненавистью.

Ок, от такого противного есть куда плясать.

Хочется верить, что «не советская, не монархическая» означает гораздо больше, нежели «ни вашим, ни нашим». Речь идет о неделимости истории – столь же священной, как нерушимость границ. В конце концов, и в старой, и в совет-

ской России человеческие представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, принципиально не изменились.

Кстати, на Валдае Путин фактически объявил о завершении постсоветской эпохи. Действительно, очень скучно жить «после». После науки, после промышленности, после сельского хозяйства, после хороших фильмов и душевных песен... Гораздо интереснее – в подготовке и предвкушении.

Если уж мы открываем новую эпоху, давайте критическим глазом взглянем на 13-ю статью, а?

Пикантность, я бы даже сказала – интимная потаенность – данной статьи заключается в том, что ни года, ни дня, ни часа за минувшие двадцать лет мы не жили без идеологии. Объявлять ее государственной и обязательной не требовалось – она и без того проникла в каждую щель, не миновала ни старого, ни малого. «Как жаль, – посетовал на днях на заседании Совета по культуре один из приглашенных экспертов, – что современная молодежь практически не реагирует на цитаты, которыми аюкались мы. Скажешь: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря...», а отклика нет».

Жаль, конечно, жаль. Но вот что интересно – ни от кого из благополучных, «рукопожатных» экспертов вы не услышите: «Как жаль, что наши дети не читают Шмелева. Все осталось, словно при советской власти. Имя Горкина для них по-прежнему звук пустой...» Такие «пичальки» в экспертной среде не приняты. Это ли не результат промывки мозгов за период с 1993 года?

Установка: «Купи в кредит новый телевизор, пока мы вооружаем по-крупному» – выдохлась, ее не могло хватить надолго. Тезис: «Все традиционно русское – трэш» – вызывает активную неприязнь общества. Неприязнь, которая будет изливаться в более и более радикальных формах. Давно известно: в стране, где нет идеологии, побеждает национал-шовинизм.

Вера, совесть, социальная справедливость. Поощрение творчества, престиж труда, настоящих знаний и высокого профессионализма. Навык думать не только о себе, любовь к детям и старикам, к земле и родному слову. Готовность дать отпор всему, что для России вредоносно, для личности – разлагающе. Уважение к силе, за которой – правда. Чем не камни в фундамент идеологии национального развития?

Пусть культура займется закладкой этого фундамента. Та культура, о которой единственно и стоит говорить на государственном уровне.

Здравия желаем

22.01.2014

ГОД КУЛЬТУРЫ, который, будучи всего лишь объявленным, немедленно стал предметом любовых столкновений – от дискуссий до потасовок включительно, наконец начался. Более того, один месяц из двенадцати, считай, позади. И прошел он – январь – пугающе тихо. Гладко. Благопристойно. Про вышеупомянутый год уже не спорят. Из-за него не ссорятся. О старте его отчитываются спокойными информашками: состоялся концерт, организована выставка, план мероприятий утвержден, губернатор на открытии подчеркнул...

Год культуры – то, что вы и думали. Год культуры – то, чего мы боялись. Культура отдельно, реальная жизнь отдельно. Для продвинутых (и притом везучих) – сольник Мацуева. Для абсолютного большинства – «Елки 3», тошнотворный басковско-киркоровский угар новогоднего ТВ, и в противофазе веселью – информационный поток: петарда в руках пятилетней девочки, граната, брошенная пьяным водителем в сотрудников ДПС... Плюс – простые русские слова, которые произнес по всем этим поводам простой русский народ.

Лично у меня в Год культуры есть одно упование. Связано оно с перечнем президентских поручений по итогам заседания Совета по культуре. Точнее, с пунктом первым этого

перечня: «Администрации Президента Российской Федерации совместно с Советом при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству обеспечить разработку проекта Основ государственной культурной политики. Срок – 1 апреля 2014 года. Ответственный: Иванов С. Б.»

Тут сразу три знаковых слова. Политика – то есть сознательная, продуманная, выстроенная программа действий. Государственная – значит, культура возвращается в оборот стратегически важных факторов, может быть, даже факторов национальной безопасности. Ну и, конечно, Иванов – слишком значимая фигура, чтобы забивать ему голову расписанием выставок-концертов. И даже зарплатами библиотекарей либо протекающими крышами музыкальных школ.

Три обнадеживающих маркера сигнализируют: культура перестает быть синонимом искусства. Более того: а вдруг (первое апреля – никому не верю, но помечтать-то можно) в грядущих Основах – в преамбуле, скажем – найдется место целям и смыслам? Ведь пригодных для смыслообразования и целеполагания документов у современной России мало. Буквально негде зафиксировать, ради чего мы живем – не каждый в отдельности, но все вместе. Так давайте пропишем это в Основах культурной политики, а? Можно без пафосных слов про имперские амбиции либо возрождение могучей державы. Например, так: главной целью государства российского является здоровье его граждан. Физическое и психическое. На это в ближайшие годы будут брошены ос-

новные силы и средства.

Здоровье, понятно, определяется не оборотом больничных койкомест, а увеличением продолжительности жизни, повышением рождаемости, динамикой снижения ССЗ, просветлением криминального фона – как без этого? Будь здоров сам, заботься о здоровье близких и пойми, что самочувствие соседа, а равно соседских детей касается тебя напрямую. Ибо, если будет нас много – крепких, сильных, долго живущих, то и возрождение Отечества не за горами.

Не причини зла, не навреди, не вгоняй в стресс. Мы не конкуренты в борьбе за выживание, мы – члены единой команды под названием «Россия». Не садись пьяным за руль, не торгуй поддельными лекарствами, не бросай человека без помощи, не загрязняй землю, воздух и воду. Торгуешь, бросаешь, свинячишь? Пеняй на себя. Ты на целую страну наплевал. Ты коллективному будущему враг. И нет у тебя отныне в этой самой стране никаких перспектив.

В такую сетку координат культура вписывается самым естественным образом. Что, если не культура, отвечает за благоприятный эмоциональный фон – принципиальнейшее условие психического здоровья нации? Кому как не культуре заниматься единением общества, воспитанием личности, поисками героя? Песни, от которых легче на душе, фильмы, после которых жить хочется, – когда это бывало с нами в последний раз, не напомните? Случайно, что ли, президент наигрывает а целый зал физиков подтягивает «Московских

окон негасимый свет», творение Хренникова и Матусовского 1956 года выпуска?..

Где сегодня массовая – в лучшем смысле слова – культура, равно удовлетворявшая и дворника, и академика? Нет ее. Редкие проблески живого, человеческого таланта глосуют между крайностями. С одной стороны – тотальная обидляюще-отупляющая жвачка, с другой – культура нишевая, тусовочная, незначительная по востребованности и охвату, однако весьма громогласная. Искусство кукиша в кармане. «Фи» государству – за государственный же счет.

Цель культуры должна находиться за пределами культуры. Пусть государство четко объявит эту цель. И тогда многие ныне зудящие вопросы снимутся сами собой.

Мы перестанем биться головой об отечественное ТВ, не в силах совладать с «особенностями экономики данной отрасли». Поскольку экономика отдельно взятой индустрии не может противоречить интересам страны в целом.

Мы прекратим тревожно перешептываться: а как воспримут Основы культурной политики сами деятели культуры, не вспыхнут ли бунты?.. У государства нет никаких специальных обязательств перед культурной сферой. У него есть ответственность за благополучие граждан, воспроизводство населения и сохранение России на геополитической карте мира. Ответственность эту делит с государством любой гражданин. Если ты социализирован, значит, встроен в систему общих ценностей. Встроены в нее и деятели культу-

ры – прежде всего, претендующие на бюджетное финансирование. Надо выполнить заказ на героя, образец для подражания – вперед. Примени талант, мастерство, владение новаторскими технологиями. Как ученые (в большинстве своем опять-таки тонкие, ранимые индивидуалисты) берутся за оборонзаказ. Есть такие профессии – Родине помогать.

Культура неотделима от образования, медицины, экологии, спорта, управления. Красота нынешней новогодней Москвы – торжество культуры. Высыпанный кучами реагент на тротуарах – полное отсутствие оной. Фанатичная борьба с курением в спивающейся стране – имитация культуры. При чем опасная имитация: человеку с гангреной руки маникюр не делают. И не надо говорить, что тут как раз и проявляется высшая забота о частном здоровье. Табак – на мой вкус, вещь отвратительная, но все же менее вредная, чем хаос, фальшь и отсутствие логики. На махорке страну спасли и восстановили. Притворством никого не победишь и ничего не построишь.

Так или иначе, 2014-й, культурный, – не время для показного благолепия. Заполним его страстными поисками смыслов. Чтобы не было потом мучительно больно за бесцельно прожитый год.

Белая зависть

13.02.2014

В ОБЫЧНОЕ время культура и спорт, спорт и культура – это всего лишь две конкурирующие позиции в новостях. Непосредственно перед финальным «и о погоде». Однако у нас на дворе время не обычное. С одной стороны – объявленный и, хоть вяло, но стартовавший в России Год культуры. С другой – старты гораздо более зажигательные, олимпийские.

Скрывать не буду – зависть берет. Нет в культуре праздников, подобных Олимпиаде. Не существует культурных событий, о которых бы волновалась по-доброму вся страна (ну и злопыхательски вибрировал десяток отщепенцев). Отщепенцы, кстати, произрастают преимущественно на культурной делянке, от чего досадно вдвойне... Когда в последний раз представителям культуры заглядывали в рот, ловя каждое слово? А вот у Дмитрия Губерниева уже деспотически оттопырилась нижняя губа – он похож на знатного патриция, вещающего перед гражданами Рима. Потому что уверен: его слушают. С утра до ночи.

За четыре дня до открытия Олимпиады Владимир Путин провел во Пскове совещание по развитию отечественного театра. Тогда же главе государства показали Псковский драматический – тот, что имени Пушкина. Вернее, здание после

реконструкции. К первой премьере на обновленной сцене – «Графу Нулину» – внимание высокого гостя привлечь не стали и правильно сделали. Довольно общедоступного тизера в Сети, где взасос целующиеся старшеклассницы стягивают друг с друга школьные фартучки. И это вам не вынужденно-толерантное «Нас не догонят», но искренний порыв режиссерской души.

Не знаю, можно ли ставить перед российским театром какие-то особые задачи. На мой взгляд, их надо ставить перед культурой вообще. Странно, когда окна, двери и крыша проектируются в автономном режиме – что за дом получится, как в нем жить? Кинематограф, театр, музейное дело требуют индивидуального инструментария, но цели их различаться не должны. Более того – именно нынешнее состояние сценического искусства свидетельствует о вреде самостийности. Перестав – в силу объективной конкуренции – быть «храмом», «кафедрой», «властителем дум», театр, будто асоциальный тип, пустился во все тяжкие. Расти и меняться вместе с обществом он не хочет. Застрыл в прыщавом ерническом пубертате. «Пошлость – это когда всерьез», – заявляет скандально известный режиссер Богомолов. Вообразите такую фразу в устах Волосожар и Транысова, Вилухиной, Мишина, Мозер, Билялетдинова... Ладно фразу – им не до болтовни, попробуйте примерить на них подобное отношение к делу.

Театр высоких достижений закончился. Остался столич-

ный междусобойчик, заразой расплзающийся по русской провинции. Спортсмены говорят: «Мы знаем, как болеет наш русский зритель, спасибо ему!» Режиссеры: «Я хочу укрепостить этот зажатый город». Кто вкалывает серьезно, тот нуждается в поддержке и любви. Кого от серьеза тошнит червяками, тому хватит и заезжих критиков. Прибудут три человека на два дня, одобряют: «Молодец, старик, не скурвился, так ее – провинцию!» Чем не смысл существования?

За последние годы театр слишком увлекся материальной базой, забыв о том, что имеет дело с душой, а не с кирпичами. Свет, звук, склады, цеха, мастерские... Оркестровая яма опускается, поднимается... Вложения миллиардные. А зритель-то будет ходить? Ведь театр – это больше, чем стены. Как семья – не просто общая жилплощадь.

Материальная красота Сочи сразу начала наполняться человеческой красотой. Красотой телесного и морального подвига. Отсюда и возникает белая, как горнолыжные склоны, зависть. Спорт принял на себя миссию, которую, вообще-то, должна нести культура. Он делает нас лучше. Причем без усилий с нашей стороны – достаточно залечь на диван перед телевизором.

В культуре (не только в российской) давно принято абсолютизировать творцов – вместо того, чтобы абсолютизировать творение. Книжки, музыка, фильмы отстают. Выпячиваются слабости, грехи, пороки. Мы слишком много знаем: кто гей, кто алкоголик, кто «болотный» активист. Кого вчера

сняли с рейса, почему эта пара развелась, в какой пробирке зачинали наследника... О личных обстоятельствах спортсменов публике известен самый минимум. Нас интересуют их результаты. Более того, лишние – действительно лишние – сведения, как в случае с Плющенко, нивелируются, стираются из памяти, когда «патриарх Женя» порхает по льду огоньком свечи – чуть уставшим, но по-прежнему негасимым...

Про звезду спорта нельзя спросить: а кто это, собственно? Что он такого сделал? Зачем вам, балбесам, его автограф?! В спорте сначала входят медали, титулы, звания, голы, очки, секунды, и следом – человек. В нынешнем искусстве сначала въезжает товарный вагон фанаберии, за ним – цистерна желчи, дальше – платформа, груженная интригами и склоками, а сзади гроыхает жестянка сомнительных достижений: пеленки под фанерочку, чернушное кинцо, стебные стишата...

В спорте нельзя продавать пустоту сколько-нибудь долго. Нельзя сказать: «У меня свой взгляд на фигурное катание! В моих «фонариках» и «змейках» больше смысла, чем в четверном тулупе Плющенко. Я так вижу!».

По благу стать Липницкой – исключено. Прибегнуть к протекции, чтобы выставиться на соревнованиях по слупстайлу и приземлиться у подножия трамплина в качестве мешка с костями? Нет желающих. Согласитесь, даже интриги в большом спорте, как правило, – высокого полета. Борьба хорошего с лучшим.

Тлетворный дух равноправия, фамильярного панибрат-

ства между теми, кто на экране, и теми, кто на диване, спорту не грозит. Спорт – а не культура – отвечает теперь за чудо, за разинутые рты: «Как они это делают? Я бы так не смог!» Пузанок чуть за сорок невольно сравнивает себя с Шипулиным и Демченко. Пятнадцатилетний гаджетоман, тренирующий разве что мелкую моторику, видит, как поднимается президент страны, приветствуя его ровесницу. Вот вам и воспитательный эффект, которого бесплодно ожидают от культуры.

Ну и, в конце концов, спорт – это мир, где мужчины остаются мужчинами, тогда как искусство – рассадник всевозможных инверсий. Зависть, зависть, снежная зависть!..

Я вот думаю: хорошо, что на сей раз Бог послал нам именно зимнюю Олимпиаду. Зима – время, когда Россия вспоминает о том, что она – Россия. Нам маловато испытывать только самих себя, надо противостоять еще и природным условиям: лед, снег, холод... Русские – исторически народ двойного преодоления. Зимние виды спорта в деле сохранения национальной идентичности трудно переоценить. Ради этого можно пойти на компромисс с МОКом, урезав в сценарии открытия период Великой Отечественной войны. Патриотизм россиян нуждается в свежей подпитке. А с отношением к священной войне у нас и так глобально порядок. Вон как «Дождю» за опрос – не стоило ли сдать Ленинград немцам во избежание блокады, – наподдали всем миром. До сих пор кувыркается.

И еще одно. Репортажи из Сочи – это бесконечная галерея

счастливых лиц. Сияющих от уха до уха, залитых светлыми слезами... Так могут радоваться только люди, исполняющие свое дело честно, на пределе возможностей. Одно лицо, которое мы привыкли видеть сосредоточенным, в Сочи тоже светилось от счастья. Пусть оно будет таким и на церемонии закрытия. Дай Бог, чтобы ничто не испортило праздник – заслуженный страной, заслуженный Путиным. А культура... Культура подтянется. После такой Олимпиады придется.

Клавдия Шульженко против Кончиты Вурст

13.05.2014

ЕСТЬ ЛИ на свете зверь страшнее бородатой женщины? Вот вопрос, активно обсуждаемый российскими журналистами, депутатами и представителями шоу-бизнеса. Так называемые звезды, чья сексориентация неведома только дальневосточным леопардам, пиарятся, проклиная Кончиту Вурст. Музыкальные критики выражают ей «фи» протяжным фальцетом. Серьезные люди обеспокоены, не развратит ли пример Томаса-Кончиты нашу молодежь – вдруг желание сочетать юбку с бородой передается, как ветрянка?.. За последние годы большинство из нас обучилось бойко таракать про новые вызовы, однако не способно разглядеть упомянутый вызов, даже если его подадут нам на вертеле. Начиная с 18 марта, время на территории России летит в темпе сюиты Георгия Свиридова. Бессмысленно плестись за ним с идейным багажом трехмесячной, а то и прошлогодней свежести. Завывания про «пятую колонну» и шарахания от гей-пропаганды выглядят сегодня, как сапоги на меху, забытые в прихожей и случайно обнаруженные на пике летнего зноя. «Пятая колонна» уже признала себя пятым колесом; тот, кто мнил других отстоем, оказалось – сам отстой; либералы добровольно зафиксировали кончину либерализма – даже не

пришлось вызывать санитаров из консервативно-патриотического лагеря. Ряд представителей новомодного «креативного класса» и старой творческой интеллигенции публично покончили с собой – подписав определенные воззвания или поучаствовав в некоторых шествиях. Списки самоубийц известны, общественное мнение на их счет сформировалось, так предоставьте мертвым хоронить своих мертвецов и не нагнетайте вымышленный саспенс там, где он основательно подослаб.

То же самое можно сказать про геев. Защитили детей законом – и слава Богу. Много чести – каждый отдельно взятый экземпляр гонять народной дубиной.

Тем более, что есть в жизни вещи, не менее опасные, чем эпатаж. Это фальшь и дурновкусие. И то, и другое было проявлено в полной мере во время рекламной кампании «Евровидения» на канале «Россия». Побывав на заключительном – предфинальном – «Прямом эфире» с Борисом Корчевниковым, могу констатировать: за кулисами отечественного ТВ культивируется особая порода людей. Профессиональные махатели флагами, узкие специалисты по держанию растяжек, безбашенные горлопаны «Россия, вперед!»... Энтузиазм в студии взбивался с такой пеной, настолько через край, будто бы вернулась в родную гавань Аляска... Публика охрипла, выкрикивая лозунги, гости истерили и били себя в грудь (часть приглашенных стыдливо опускала глаза, когда остальные метили плевками в Кончиту Вурст). Псевдопатри-

отический угар струился в жаре софитов, вызывая нормальный угарный эффект – то есть дурноту.

Говорят, так было и в минувшие годы. Но, видимо, тогда это не бросалось в глаза. Вообще на фоне отсутствия реальных побед всякое искусственное вживание патриотических чипов воспринимается равнодушно. Но сегодня ситуация принципиально иная! Олимпиада и Крым (по степени значимости, конечно, Крым и Олимпиада) подарили людям веру: слова переходят в дело. Мы можем. Нас много, и мы – одно целое. Появились реальные современные герои – наконец-то! Появились поводы плакать от гордости. Махать флагами – без указки редакторов. Ликовать до хрипоты – по собственному желанию. Народ вспомнил вкус настоящего патриотизма, и кормить его синтетикой, взошедшей на гидропонике, теперь попросту оскорбительно.

Истинное чувство отличается от поддельного градацией, амплитудой, нюансами. Нельзя прославлять никому (кроме рекламодателей) не нужное «Евровидение» на уровне крымского воссоединения. Не надо захлебываться «Россией вперед» по никчемным поводам. Парад Победы в Москве, в Севастополе – да. Финалы-полуфиналы «Евровидения» – нет. Помните, как опростоволосился пацан, кричавший забавы ради: «Волки, волки!»?

Бестактно это исступленное веселье, когда рядом – практически у соседа за стеной – стреляют, режут, жгут людей живьем. О чем тот же канал «Россия» рассказывает, не пря-

ча боли, каждый день.

Опасно давить публике кулаком на диафрагму, пытаюсь выжать еще немного восторга. В какой-то момент драгоценная вера – которой так давно не было, на которой можно страну поднимать, развивать, украшать – вновь исчезнет. Народ не дурак, туфту раскусывает на раз.

Хуже отсутствия патриотизма – только псевдопатриотические шабаши на пустом месте. Это и есть новый вызов. Не «пятая колонна», не бородатые женщины – нам угрожает фальшь, когда-то разьевавшая изнутри Советский Союз. Но СССР все-таки скатывался от искренности к притворству несколько десятилетий. А нынче что – в бездну на рекордной скорости?

Господи, сколько языков сломано о песенный конкурс, никогда не имевший влияния и не претендующий обзавестись таковым в перспективе... А про главное – ни полслова. Пытаюсь собрать страну в кулак (в бархатной, впрочем, перчатке), прикидывая, где требуется срочно наверстывать, какие дыры зияют в промышленности, технологиях, обеспечении продовольствием, мы натолкнулись на чудовищный дефицит в культурной сфере.

Не хватает фильмов – таких, чтобы ходили миллионы, смотрели с открытыми ртами, роняя недожеванный попкорн, а потом обсуждали – на кухнях, на работе, в соцсетях.

Давний, хронический недород шуток, которые повторяла бы вся страна – не затыкая уши детям и не поражаясь тупо-

сти ржущего зрительного зала.

Острая недостаха песен – душевных, добрых, мощных, целебных. От которых жить хочется. Ведь не имеет ни малейшего значения, что мы поем по-английски. Единственно важно – что мы будем петь на родном языке. Правда, по мнению выдающегося композитора и продюсера земли русской Филиппа Киркорова, English – «это единственная возможность общаться на международном уровне». Но господин Киркоров отстал от жизни лет эдак на двадцать. На международном уровне главное – невербальные аргументы.

Не имеет никакого значения, что мы исполняем на «Евровидении» или на каком-нибудь там «Баксослышании». Важно – что будут петь сестры Толмачевы, а также их сверстники и сверстницы у себя дома. За последнюю четверть века в России не родилось практически ни одной песни, которая бы ушла в народ. Нам не с чем встретить 1 Мая, кроме как «Утро красит нежным светом...». Шедевр братьев Покрасс и Лебедева-Кумача – на все времена, но нельзя же до бесконечности подъедаться на советском наследии. Наши песни носим в сердце с колыбели – вопросов нет, однако хорошо бы положить в колыбель грядущим поколениям и пару свежих аккордов.

России необходимо собственное песенное состязание. Только проводиться оно должно с умом. Не ради шоу – ради результата. Первый всесоюзный конкурс артистов эстрады в 1939 году затевался не для того, чтобы пиарить сидя-

щего в жюри Утесова, а (как выяснилось) чтобы вывести на большую сцену Клавдию Шульженко. Конкурс нужен сразу и авторский, и исполнительский – так могут сложиться долгоиграющие творческие союзы: композитор, поэт, певец. Как говорил тот же Утесов, оценивая молодых артистов: этот – на год, этот – на три, а этот – навсегда. Займемся теми, у кого потенциал «навсегда», хватит однодневков.

А пока скажем честно: что мы можем противопоставить Кончите Вурст? Блестящий вокал, драматический талант, яркий темперамент, запоминающиеся хиты? Ах, только традиционную ориентацию?

Маловато.

Игра в «балду»

04.06.2014

ГРАЖДАНЕ, изолируйте детей, мы снова будем говорить о прекрасном. Хотите ли вы в кои-то веки собраться в театр, притулить брэнное тело согласно купленному билету и услышать со сцены следующий текст:

Бомж. Это наше место, валите нах отсюда!

Продавщица. Так, а ну иди нахер гнидадер, иначе я тя ща падла урою тут сама.

Бомж. Рот закрой сука...

И так далее, и тому подобное. (Пунктуация авторская. Видимо, для подонков общества запятые – непозволительная роскошь.)

Хотите? Нет? И не услышите. На заседании нового экспертного совета по драматургии (сформированного Минкультом после скандала с советом предыдущим) от выше цитируемого произведения удалось отбиться. Не сразу, правда. С криками и посулами публичных разоблачений. Однако по итогам полмиллиона бюджетных рублей сохранены в государственном кармане – для дальнейших культурных растрат.

Каждый член нового совета одолел 3 8 присланных на конкурс пьес. Одобрение получили 16. Из них с десятков – вне зависимости от жанра и художественного уровня – не вызывают возражений у психически здоровых людей. На пути

прочего можно было ложиться, как Ельцин в своих фантазиях ложился на рельсы, – толку ноль. Общее голосование плюс умелое лоббирование дезавуировали отдельно взятый частный протест.

Итак, любители искусства, будьте бдительны. Театр – по-прежнему сфера повышенной опасности. Например, государство выделило 400 000 рублей, чтобы на ваших глазах медработники избивали пациентов:

Сестра: Что ж ты творишь, зараза такая (бьет его по плечу, по голове ладонью, он съеживается). Я тут не буду, б..., с тобой с одним нянчиться (опять ударяет. Он весь вжимается). Давай теперь правую, ну, быстро. Руку давай (он протягивает руку)...

А вот гораздо более милая, обворожительная, исполненная своеобразной глубины цитата:

«Попроси его, чтобы он поскорей засунул свой внутренний буддийский член дхармы в твою внутреннюю буддийскую попку и разогнал этим своим внутренним членом тьму твоего неведения, в твоей внутренней заднице, избавляя тебя от твоего внутреннего эгоизма и внутреннего дерьма и фальши, которыми ты насквозь пропитался купаясь в этой своей кокаиново-буддийской пустоте». Ну красота ведь! И опять 400 000.

Также среди драматургических произведений, получивших зеленый свет, – средней руки пьесочка с действием, разворачивающимся в вымышленной – но очевидно прибалтий-

ской – стране. Ленивая любовно-мистическая история без какой бы то ни было необходимости перебивается реплика-ми: «Эти тарелки куплены еще во времена, когда Лю-Блё было под русской оккупацией», «Мы русский учили под дулом Калашникова»...

Что тут скажешь? Смело. И, в общем-то, недорого – 300 000 русских рублей. «Золотая маска», где премию критики надысь отдали режиссеру Богомолу, дороже обходится.

Попытки оправданий, что, мол, критикой управлять нельзя, порождены недобросовестным лукавством либо просто некомпетентностью. Театроведы – люди здравомыслящие, чтобы не сказать – прагматичные. Сотрудничество с «Маской» считается в этой среде выгодным со всех точек зрения, им дорожат и поперек батьки лезть не станут. Другое дело, не нашлось батьки, который в ответ на шkodную идею наградить Богомолу сказал бы мягко: «Ребятки, не шалите. У нас национальная премия. То есть, присуждая ее, следует по возможности исходить из общенациональных приоритетов – как бы вы к ним ни относились. Человек, уродующий русскую классику и оскорбляющий православную церковь, имеет право получить частную, камерную, тусовочную награду. Но национальную премию – побойтесь Бога».

Ничего подобного явно не прозвучало, и «Маска» – в силу госсубсидий золотая – поощрила Богомолу дуть до горы.

Поймите, я не только о деньгах сейчас. За государство обидно. Дурковато оно выглядит, подставляя то вторую ще-

ку для оплеухи, то иные части тела – для пинков. Все это напоминает детскую забаву с крайне уместным названием «балда». Огрели (тягнули, жажнули, саданули) сзади – ой, а кто же это?! А это – наши постоянные игроки. В частности, кинорежиссер Андрей Звягинцев. Автор картины «Левиафан», краткий месседж которой критики формулируют так: «Честный человек бессилён и бесправен в борьбе с сегодняшней коррумпированной властью, которую вдобавок крышует церковь». Или вот еще: «Левиафан – это российская власть. Вся ее треклятая вертикаль, осиновым колом пронзающая любого, кто посмеет стать на пути или хотя бы испортить ей настроение... Такого откровенного и яростного обвинения церкви во всех беззакониях, творящихся в нашей стране, до сих пор не позволял себе никто. Точнее, почти никто, кроме нескольких девушек в балаклавах, получивших за это двушечку. Их акция цитируется в «Левиафане» дважды...»

Как там в проекте «Основ государственной культурной политики» сказано? «Знание своей культуры и участие в культурной деятельности закладывает в человеке базовые нравственные ориентиры: уважение к истории и традициям, духовным основам наших народов...» Ага. Ну-ну. Не, коллеги, с такой деликатностью (или таким пофигизмом?) мы слона в хорошие руки не отдадим. Подохнет слоник.

«Когда мы заканчивали сценарий, это (суд над «Pussy Riot») было главное событие, – ностальгически припоминает

Звягинцев. – Я попросил актрису, которая играет судью, чтобы она посмотрела, как зачитывают приговор «Pussy Riot»... Этот темп бешеный, а потом вопрос: «Вам все понятно?» Как там можно хоть что-то понять?! Это же мантра какая-то, которая тебя законопачивает, заколачивает крышку гроба. Двухсечка, трешечка – сколько надо, столько и отмерит».

Сколько надо, столько и отмерит – это явно про щедрость государства российского. Про его готовность лезть в задний карман за бумажником, не требуя в ответ хотя бы соблюдения приличий. Ладно «спасибо» – о таких нежностях речи нет, но хоть в лицо не плюйте.

«Почему лауреата Канн на родине ждет цензура?» – драматически вопрошает Марианна Максимовская (закон о запрете ненормативной лексики сулит «Левиафану» проблемы с прокатом).

Ну, наверное, потому что у лауреата Канна (все-таки Канна) эта самая Родина наличествует. И есть у нее определенные законы – что в принципе свойственно родинам. Не хочешь иметь с этими законами ничего общего – отучись говорить Родине «дай».

«Коллективный Путин – это наша проекция, некий вымысел. Мы созданы из этого материала... Но надо стоять, держаться, даже когда положение кажется отчаянным... Хотя, что я призываю, кого, к чему... Устоять бы самому», – продолжают цитировать Звягинцева «Ведомости».

Высказался лауреат Канна – и поехал. Куда именно? А

куда ездят в нынешней России борцы с режимом? В места не столь отдаленные. Точнее, в Сочи – возглавлять жюри «Кинотавра». Ибо «треклятое, незаконное, коррумпированное» государство своевременно поддержало сочинский кинофорум рублем. Но кто считает? Мы же не о деньгах – мы о прекрасном.

Видишь ли, Вася... или Как меня не показали по «Рен-ТВ»

24.06.2014

Вот вы говорите – цензура. Ну, не говорите – думаете. А если не думаете и при этом принадлежите к креативному классу, значит безнадежно отстали от тренда. Он (класс), выбирая из многочисленных причин для печали и гнева, остановился на самой оригинальной. И уже третью неделю оплакивает пару спектаклей, показ которых на столичном фестивале был отменен. Отменен, заметьте, добровольно, организаторами фестиваля – после рекомендательного письма Минкульта. Никого не пытали, не насиловали, иголки под ногти не загоняли. Однако и лапша хороша, если надо проораться: караул, цензура!

Сейчас я расскажу вам, что такое истинная цензура и кто ею промышляет. Итак, история, леденящая кровь.

Звонок на мобильный.

– Это телеканал «Рен-ТВ», программа «Неделя» с Марианной Максимовской. Хотим взять у Вас интервью по поводу пьес, попавших в черный список газеты «Культура» и потому запрещенных к показу.

– Не вижу связи между нашей публикацией и отменой мероприятия. – Вот и объясните это корреспонденту.

– Хорошо. Кто приедет?

– Рома Супер...

Журналист, носящий фамилию (или псевдоним?) Супер, запомнился мне по сюжету о фильме Андрея Звягинцева «Левиафан». За кадром тогда прозвучал следующий текст: «Что ждет героев картины? Ад. Причем не тот ад, который наверху...»

Помню, изумилась: надо же, человек видит ад наверху. Любопытная точка зрения. Все перевернуто с ног на голову.

– Ну, супер, – говорю. – Присылайте.

В назначенный день и час в кабинете материализовались трое юношей. Скромно завозились, передвигая мебель, выставляя свет, зашторивая окна. Чуть что: извините, будьте любезны. Надо же, думаю. Просто супер.

Самый молодой и симпатичный из трех занял позицию тет-а-тет.

– Можно начинать?

– Пожалуйста.

– Елена Александровна, Вы согласны с утверждением, что в нашей стране возрождается цензура? Например, ваша газета составила список запрещенных пьес...

– Видите ли, Роман...

– Я не Роман, я Вася...

«Ах, Вася! – думаю. – Это многое объясняет. Лицо у мальчика хорошее – не похоже, чтобы такой искал преисподнюю на небе. А я для него розыгрыш неприятный приготовила... Жаль пацана».

– Так вот, видите ли, Вася: газета «Культура» является акционерным обществом. Мы не получаем ни копейки бюджетных средств, среди наших учредителей нет Министерства культуры, и главное – как любое СМИ, мы не уполномочены что-либо запрещать или разрешать. Наша задача – информировать читателей. В частности, о том, на какие проекты еще недавно выделялись государственные деньги. Спектакли по упомянутым Вами пьесам финансировались из кармана налогоплательщиков. Мы опубликовали фрагменты этих двух – и множества других – пьес для наглядности. Пусть читатель сам делает выводы.

– Так, может, стоило и спектакли показать, а публика сама сделала бы выводы?

– Вполне возможно. Мы сейчас с Вами проведем эксперимент. Держите листочек. Читайте. Вслух читайте. Это фрагмент из пьесы Максима Курочкина «Травоядные», которую Вы приехали защищать.

Вася уставился на печатный (точнее, непечатный) абзац. По его нежному лицу – от короткой челки к подбородку – начала разливаться густая краска.

– Не нравится этот листок? Возьмите другой. Третий возьмите. Ну, читайте же. Вы полагаете, что это должно звучать со сцены. Карельский театр привез в Москву спектакль – его не показали. Безобразия! Давайте защитим свободу художественного слова!..

За моей спиной корчился от смеха осветитель. Оператор

не по-товарищески подхихикивал, наблюдая Васины муки. Сердце сжималось от сочувствия к пареньку, но шоу маст гоу он – я продолжала подначивать.

– Смелее, смелее! У вас ведь программа для взрослой аудитории.

– Я не буду это читать! – взорвался вдруг розовый, как пион, Вася. – Я цивилизованный человек!

– Вы слышите себя, Вася? Вы только что признали, что автор пьесы – не цивилизованный человек. И те, кто хотел показать это в рамках фестиваля, – дикари.

...Мы беседовали еще с полчаса. Уходя, Вася признался мне, что он тоже за все хорошее, против всего плохого, а непристойные листочки забрал с собой. Видимо, с целью предъявить их своему руководству – «запрещенных» пьес явно не читавшему.

Прощались рен-тэвэшники долго, бродили по отремонтированным коридорам и комнатам «Культуры», снимали журналистов за работой, наглядную агитацию на стенах («Будь частью решения, а не частью проблемы» и тому подобные мотиваторы). По итогам визита мне стали ясны две вещи: а) редакция наша коллегам понравилась; б) показать такое интервью в эфире программы «Неделя» немислимо. Будь ты хоть супержурналист, сюжет о творцах и цензуре – в том виде, в каком он замышлялся, – непригоден к употреблению и должен быть вынесен на помойку, пока не завоняло.

Насчет первого пункта могу ошибаться, но по второму

– словно в воду глядела. Либеральная цензура обнаружила себя во всей красе. Вместо оскорбленных драматургов за культурную тематику в «Неделе» отвечала депутат-единоросс Мария Максакова, внезапно разочаровавшаяся в антигейском законе. Выступление Максаковой было суперски смонтировано с хроникой безуспешно изгоняемого Горбачевым академика Сахарова. Прошу занести в протокол: если многострадальный академик с минувшей субботы вертится в гробу (депутат Максакова и мертвого поднимет), патриоты здесь ни сном, ни духом не виноваты.

Вот что я хочу сказать вам, товарищи единомышленники. Нас втягивают в войну, без которой мы предпочли бы обойтись. Пытаются выставить «охранителями», «запретителями», «мракобесами». Разводят демагогию про сакральный ценз 18+. Он, мол, все спишет. Из чего следует вывод, будто, отпраздновав совершеннолетие, можно (а то и желательно) слушать со сцены тупую похабщину. Следуя этой логике, ни в 19, ни в 20, ни в 40 лет личность уже не развивается, не способна меняться ни к лучшему, ни к худшему и не подвержена влиянию ни людей, ни обстоятельств, ни произведений искусства.

«Драматургия должна быть опасна, – вещает не полюбившийся Вам драматург Курочкин. – Пьесы и пишутся для того, чтобы человек вышел за рамки своего обыденного существования...» Так предложите зрителю то, чего он, увы, лишен в жизни: грамотный литературный язык, тонкий юмор,

глубину, задушевность, высокое и вечное. А то, глянь – решили поразить карельскую публику «Травоядными». «Напугали бабу высоким каблуком», – как говорил незабвенный Виктор Степанович. Прятать драматургическую беспомощность, отсутствие сюжета, героев, мыслей за матерщиной – позавчерашний прием. Отстой. Такое уже не носят. И вряд ли критики, орудие «Караул, цензура!», думают иначе.

Провокации с непристойными пьесами призваны отвлечь здоровое культурное сообщество, рассеять его силы. некогда искать по России драматургов-самородков – приходится разгребать новодрамовские завалы. Трудно пока выращивать цветы – надо содрать асфальт постмодернизма, дабы понять, что под ним уцелело. Но борьба «против» – всего лишь санитария. Ее недостаточно. Культура – как любая сфера жизни, как и сама жизнь – есть собрание не запрещенного, но воплощенного. Культура формируется не из того, что пресечено, а из того, что увидело свет.

Человеку (и стране в целом) нужны две вещи. Первая – крепкий, надежный, на века построенный дом. И вторая – постоянный приток свежего воздуха, возможность уходить и возвращаться, держать открытыми форточки, выглядывать в окна. Заприте дом наглухо – однажды его обитателю захочется снести двери с петель, высадить рамы, а то и стены обрушить. Пережили, знаем. Бросьте человека на юру, на ветру – получите манкурта, родства не помнящего, готового служить кому угодно за угол и похлебку. Это мы наблюдаем по

нашему креативному классу.

Граждане «запретители», «охранители», «мракобесы», давайте поднапряжемся. И обеспечим, наконец, российским талантам свободу творчества – каковой давно уже не было. Воевать у нас получается недурно (говорю с законной гордостью), теперь надо строить мир. Мир другого искусства. Мир других отношений творца к народу.

И, кстати, Вася: если канал «Рен-ТВ» укажет Вам на дверь, Вы знаете, куда обратиться.

Циники и лирики

09.07.2014

В НАЧАЛЕ июля в Совете Федерации под председательством Валентины Матвиенко прошли парламентские слушания по Основам государственной культурной политики. Значение этого документа пока не осознано вполне, однако многими угадывается – и догадки эти столь многообещающи, что ни чиновники, ни парламентарии, ни деятели культуры не жалеют сил и времени для обсуждения проекта Основ. К концу сентября текст должен приобрести безупречную ясность, потому любую критику сегодня надо воспринимать как работу на общее дело.

Вот и покритикуем.

На мой взгляд, по стилистике предварительный проект ОГКП напоминает письмо из Простоквашино. То самое, которое начинал сочинять дядя Федор, продолжал – пробегавший мимо Матроскин, а завершал жалобными каракулями («то лапы ломит, то хвост отваливается») и гордостью за повышенную лохматость «ваш сын дядя Шарик».

Заздравные запови про «духовное, культурное, национальное самоопределение России», «утверждение общенациональной идеологии развития», «уважение к истории и традициям»... категорически не монтируются с целым рядом последующих фрагментов. Какие-то аспекты не пропи-

саны вообще, какие-то трактуются за упокой.

Итак, основной раздел – «Стратегические задачи государственной культурной политики».

Пункт третий, «Поддержка отечественной литературы...». «В духовной и культурной жизни России русская литература занимает особое место... Традиции и высочайший уровень литературного мастерства удалось сохранить даже в условиях жесткой идеологической цензуры советского времени».

Этот пассаж мог бы считаться добросовестным, если бы далее с гордостью провозглашалось: а едва только жесткой идеологической цензуры не стало, сразу расцвела пышным цветом русская литература и принесла великолепные плоды, каковые мы готовы предъявить всем интересующимся. Но не могут сказать ничего подобного создатели документа. Тогда в чем посыл? Пнуть лишний раз советскую эпоху? На это большой смелости не требуется. И ума, кстати говоря, тоже. Помимо тех очевидных фактов, что цензура была изобретена задолго до советской власти (собственно, с феноменом абсолютно бесконтрольного творчества мы столкнулись только на новейшем отрезке истории); что в условиях «жесткой идеологии» родилась великая литература для детей, которой мы насыщаемся до сих пор, ибо духовную пищу подобного уровня производить не в состоянии, – помимо этого, сам примиренческий настрой документа отторгает подобные выпады. Нападками на советское народ можно

только разобщить. Как фактор объединения это не проходит.

Пункт шестой. Абзац – пока единственный на весь документ, – посвященный кино. «Основное направление государственной поддержки – это зрительский кинематограф, что позволяет увеличивать объем отечественной кинопродукции на экранах страны. Но поддержки требует и развитие кинематографа как искусства».

Данная цитата явно принадлежит авторам с короткой памятью. Лучшие отечественные фильмы, фильмы, которыми мы все до сих пор аукаемся и которые до недавнего времени оставались чуть ли не единственным связующим звеном между поколениями, были одновременно и кассовыми, и высокохудожественными. Они собирали неслыханные нынче десятки миллионов зрителей, будучи при этом – как мы теперь точно понимаем – шедеврами. Косное и вредное заблуждение – будто киноискусством у нас занимался один Тарковский. Назовите любую дорогую вам с детства картину – это настоящее искусство, не сомневайтесь. Вспомните практически любого из известных советских кинорежиссеров – это художник, будьте уверены. Скажу еще: художников гораздо больше, чем фамилий, которые вы в состоянии воспроизвести. Кто снял «Простую историю»? Юрий Егоров. Много ли вы о нем знаете? Кто-то – больше, кто-то – совсем ничего. А ведь если бы у мирового киноискусства был свой Лувр, «Простая история» висела бы в отдельном зале под стеклом, а вокруг с благоговением толпилась бы разноязы-

кая публика...

Разделение кинематографа на «зрительский» и относящийся к «искусству» произошло недавно. С появлением понятия «формат» – вроде бы полезного и практичного, однако на деле ставшего основой новой диктатуры. Форматы активно взяты на вооружение бездарями и симулякрами. Теми, у кого вместо души калькулятор. Но государственная культурная политика тут при чем?

Более того: подобным подходом к кинематографу поощряется дальнейшее размножение и выползание на экран всевозможных «левиафанов». Фильм, получивший в Канне приз за лучший сценарий (хотя сценария там нет вовсе, а есть набор неправдоподобных, плохо монтирующихся друг с другом ситуаций), снят при поддержке Фонда кино и Минкульты. Очень надеюсь, что общественные разбирательства по этому поводу еще впереди. Нельзя плевать в лицо соотечественникам за их же – соотечественников-налогоплательщиков – деньги. Да вдобавок выдавать плевков за «искусство». К искусству – то есть сделанному искусственно – там, на мой взгляд, относится только ненормативная лексика, аккуратно вмонтированная в речь мэра – Мадянова. Впрочем, прокатное удостоверение получено, пусть зритель 18+ ознакомится с «Левиафаном», тогда и вернемся к этому разговору.

Тот же пункт того же раздела. «В процессе формирования и реализации государственной культурной политики должны

быть выработаны необходимые и достаточные формы государственного регулирования сферы массовой культуры как преобладающего фактора культурного воздействия на граждан и взаимодействия профессиональной и массовой культуры».

Абзац, появившийся в проекте после моего выступления на одном из заседаний рабочей группы под руководством главы Администрации президента Сергея Иванова. Однако что здесь написано – не понимаю. Донт андэстенд. Нон компрене. Нихт ферштейн. Не розумпо. Ни в зуб ногой. «Необходимые и достаточные» – это как? «Сфера массовой культуры» – это что? Филипп Киркоров? Необходимое и достаточное регулирование Киркорова? Ну ты, барин, задачи ставишь! Такое еще никому не удавалось. «Взаимодействие профессиональной и массовой...» – просто дичь. То есть массовая – по определению непрофессиональна?

А ведь важнее массовой культуры ничего нет. Именно она растит человека, формирует его на протяжении всей жизни. Фильмы для широкого зрителя, о которых мы говорили выше, – создающие образ героя. Какие герои – такой и зритель, каков зритель – такова страна. Песни – чтобы оказались кстати и в горе, и в радости, чтобы захотелось слова выучить, – этой проблеме была посвящена колонка «Клавдия Шульженко против Кончиты Вурст». Наконец, извините за прозу жизни, юмор. Может быть, самое главное в сфере культуры – над чем страна смеется. Есть ли у нее общие, в разных регионах

и социальных слоях понятные шутки, и какого они качества.

В современной России на месте юмора – зияющая воронка. Высокие традиции жанра уничтожены, будто взрывом. Выбирать приходится между различными видами нишевого стебалова – ведь нельзя же, помилуй Бог, смотреть «Смехопанораму». Впрочем, значительный процент населения полагает, что можно. Аркадий Исаакович Райкин или Мария Миронова с Александром Менакером объединяли страну: дворник знал, что смеется вместе с академиком. Нынешний «массовый» юмор фактически и является водоразделом между «элитой» и «быдлом». Вторых все успешнее отупляют, чтобы первые все брезгливее воротили нос.

При этом ни в песенном, ни в юмористическом жанре не существует нормально функционирующих социальных лифтов. Нет системы отбора, просеивания, воспитания талантливой молодежи. Монополия – у телевидения, а там фильтр один – пресловутый формат, о котором мы уже говорили.

Кстати, пункт четвертый «Стратегических задач...» – «Поддержка и развитие благоприятной для становления личности информационной среды» – я сейчас не обсуждаю сознательно. Здесь слабость текста оправданна и понятна. Выходить против нашего ТВ с одними Основами ГКП наперевес – все равно что пытаться сбить самолет украинской нацгвардии из рогатки.

Пункт седьмой. «Поддержка существующих и вновь создаваемых институтов и общественных инициатив...»

«Культура по своей природе развивается путем создания новых художественных форм, нового содержания. В момент создания их общественная оценка, как правило, противоречива, но сам факт художественного новаторства, поиска и эксперимента должен быть доступен вниманию общества».

В десятый раз перечитываю – не понимаю: где у этого абзаца тормоз? Где гарантии от распространения «гоголь-центров» или «домов новой культуры» по всей России? Такая формулировка сделала бы честь альтернативному проекту культурной политики, доходчиво изложенному в картинках Маратом Гельманом.

И вот здесь, как мне кажется, мы нащупали главную слабость документа. Нынешний проект – это собрание прав творца, без малейшего упоминания про обязанности. Государство в каждом абзаце что-то должно, деятель культуры – народу, обществу, государству – не должен ровным счетом ничего. Но художник, который снимает с себя ответственность за что бы то ни было, кроме собственного благополучия, становится жлобом. Заслуженным жлобом республики. И на иные звания претендовать не имеет права. Потакая жлобству, узаконивая его, мы собственными руками портим человеческий материал в сфере культуры.

Худрук провинциального театра просто обязан интересоваться криминогенной обстановкой в городе, где работает. Не потому, что усилиями одного лишь театра можно покончить с преступностью. Но потому, что театр способен вне-

сти немалую лепту в улучшение психологического микроклимата. Снимаешь ли ты кино, готовишь выставку, выпускаешь очередной номер газеты, необходимо задуматься хоть на минуту: твой продукт сделает человека лучше или хуже? Врезалось в память, как 12 июня в Георгиевском зале, принимая Государственную премию за «Легенду № 17», продюсер Леонид Верещагин сказал: «Фильм вышел – и сразу нашел отклик в сердцах миллионов наших зрителей, потому что он делался с большой любовью всеми, кто прикоснулся к этому проекту. Эта любовь была считана зрителями. А кино является ведь мощнейшим инструментом формирования идеалов. После удачного проката фильм был показан по каналу «Россия 1» перед самой церемонией открытия зимних Олимпийских игр... И если кому-то из наших спортсменов наш фильм хоть чуть-чуть помог дотянуться до медали – наша миссия выполнена. А если те, кому не повезло, кто проиграл, но нашел в себе силы перебороть себя, встать и снова продолжить борьбу, и в этом тоже помог наш фильм, то наша миссия выполнена вдвойне...»

Так говорил Верещагин – человек вполне прагматичный. Почему-то пафос его никому не показался странным, а слово «миссия» – напыщенным. Прислушайтесь к самым серьезным людям страны, перечитайте речи главы государства. Противоборство между лириками и циниками (отнюдь не надуманное, как когда-то между физиками и лириками) достигло максимального обострения. Погнали наши городских

– в жизнь России, наконец-то, возвращается поэзия. Не в узком смысле – как один из компонентов грядущего Года литературы, но как великая движущая сила. Мы не жлобы, жлобы не мы.

Опрос ВЦИОМа, проведенный в минувшем апреле, показал: индекс счастья в России достиг исторического максимума за последние 25 лет. Четверть века, вдумайтесь. То есть ни эйфория начала 90-х, которую испытывали многие (что нормально – людям свойственно надеяться на перемены к лучшему), ни насыщение прилавков товарами и продуктами счастья обеспечить не смогли. Что же изменилось весной 2014-го? Сушная «мелочь»: люди снова – после долгого перерыва – поверили, что живут в великой стране. Не имеет права отечественная культура оставаться в стороне от этого запроса.

Экономика, промышленность, оборона, финансы в конечном счете зависят от одного фактора – от настроения, с которым просыпается утром рядовой россиянин. И если ему для полного счастья требуется ощущать себя гражданином великой страны, будьте любезны, деятели культуры, обеспечьте ему подобный настрой. А рк великой он сам ее сделает.

Худсовет для Крыма

26.08.2014

«БЕРИТЕ, девчата, кефирчик, берите. Здешний, крымский. Украинская-то молочка от нас ушла...»

У тетушки за прилавком центрального коктебельского рынка лицо кислое – в точности как продукция на витрине.

– Ну и прекрасно, что ушла! – пытаюсь подпружинить патриотический тонус. – В России молока – залейся.

– Мы к украинскому привыкли... Жалко...

Если путешествовать по Крыму частным образом, подметишь зигзаги и тонкости, недоступные официальному глазу. Поселок городского типа Коктебель – это вам, конечно, не Севастополь. Та человеческая порода неповторима. Тут люди проще, бытование у них прозаическое, склад души и образ мыслей сугубо земные. Жалуются – «нет сезона».

– Разве нет? На набережной не протолкнуться.

– Украинцев гораздо больше приезжало. А ваши-то – ну, наши, в смысле – поедут? Как думаете?..

Пока затрудняюсь ответить.

Пробная коктебельская декада лично для меня прояснила одно: захочется ли нам отдыхать в Крыму, зависит от того, готовы ли мы в Крыму работать. Каждый по-своему.

Пусть Коктебель не Севастополь, однако место не из последних. Край синих холмов был особо упомянут на ял-

тинской встрече президента Путина с деятелями культуры. Пройдя по дому-музею Чехова, глава государства уточнил: «В Крыму есть и еще один уникальный дом – художника и поэта Максимилиана Александровича Волошина. Знаменитый Коктебель стал духовным, творческим центром не только Серебряного века, но и культуры советского периода».

Таврида осваивалась различными племенами, однако создателями атмосферы и стиля, «имиджмейкерами» выступили: где-то – русская аристократия, где-то – русская интеллигенция. Коктебель, начиная с первопроходца, врача-офтальмолога Эдуарда Юнге, и затем больше столетия – вплоть до развала СССР, был интеллигентской Меккой. Зощенко и Булгаков, Грин и Паустовский, Петров-Водкин и Лентулов, Обухова и Уланова, Нейгауз и Козловский... А главное – поэты, поэты: Цветаева, Гумилев, Асеев, Берггольц, Алигер, Наровчатов, Маршак, Антокольский, Тарковский, Твардовский, Светлов, Михалков, Старшинов, Слуцкий, Асадов, Тушнова, Друнина, Дудин, Гофф... et cetera.

Сегодня интеллигенция попадает в Коктебель с короткими гастрольными вояжами, но отдыхать сюда не ездит. Пустынно на тропе, ползущей по склону Кучук-Енишара к высшей точке, могиле Волошина. Две-три фигурки за день там, где раньше пыхтели вереницы паломников – еще и камешки поэту несли.

В доме-музее – несколько случайных по виду визитеров. Заглянула сюда инкогнито – экскурсовода не нужно, с дет-

ства все помнится. Спрашиваю у смотрительницы: «Как у вас с посетителями? За минувший год сколько тысяч прошло?» Недоуменный взгляд из-под очков: «Я вам что, касир?»

Поэзия нынешнего Коктебеля сводится к виршам доморощенных рифмоплетов, нацарапанным на дощатых сооружениях. «Я проснулся – нет вина, / да к тому ж в чужой постели. / Значит, точно с бодуна, / значит, точно в Коктебеле». Само сооружение при этом может оказаться и сортиром, и закуской – местечковой поэзии соответствует первобытная архитектура. Сортиров, надо отметить, значительно меньше, нежели едален: «дикари», раскинувшиеся палаточными лагерями по-над Тихой бухтой, используют заросли у подножия холмов как импровизированные уборные...

Понятно, что стенания по поводу «загубленного Коктебеля» не утихали с начала XX века, усиливаясь всякий раз, когда в сухую пыльную бархатистость вторгались очередные достижения цивилизации либо, напротив, войны и разрушения. Тем не менее утверждаю: сегодня центр поселка являет собой абсолют пошлости. Некогда песчаные пляжи, засыпанные остроконечным щебнем. Застроенная по обеим сторонам набережная. Движешься, словно в туннеле, между двумя рядами злачных заведений: харчевни, дискотеки, ночные клубы с соревнованиями по командному стриптизу... Грохает убогий музой, тошнотворно тянет прогорклым жиром, не иссякают очереди к винным бочкам – как не исчер-

пываются и сами источники.

Первое впечатление – будто питье в Коктебеле начинается утром, с зазываний рыночных торговок: «А вот свое, домашнее, пять литров дешевле!», и заканчивается в темноте, на хмельно гудящей набережной. Но это иллюзии. У пьянства в Коктебеле нет пауз и перерывов. Курортник, прибывший вести здоровый образ жизни, выходит в семь утра на пляж – и сталкивается с «синяками», жадно сосущими портвейн из горла. То ли ранний опохмел, то ли затянувшаяся вечеринка. Можно, конечно, делать вид, будто не замечаешь, медитировать, глядя вдаль – на знаменитый карадагский профиль, но скажите честно: вас манит такой отдых?

В Коктебеле почему-то не действуют законы Российской Федерации об ограничении торговли спиртным, запрете распития в общественных местах. Сертификата на оборудование (а равно и лицензии на производство алкоголя) у бахусов в юбках тоже, сто пудов, нет.

Но и это не предел безобразий. На маленькой площади вокруг памятника коктебельскому десанту – надувные аттракционы, качели, батут, визг, грохот. Ступени постамента используются для отдыха и привала.

Вы слышали когда-нибудь о коктебельском десанте? Под новый, 1942-й год на оккупированный немцами берег высадились из штормящего моря почти три десятка бойцов, призванных посеять в рядах противника панику и оттянуть на себя внимание – вместе с огнем.

Спустя много лет после войны вдова Волошина Мария Степановна («Марусенька») запишет в дневнике: «Шум моря мне напоминает десант 41–42 годов и этих бедных мальчиков, которые тут метались и некуда им было деться. Они все были обречены – и все, все погибли. Я, вероятно, и больна-то оттого, что все это во мне еще живет...» Точный пофамильный состав десанта неизвестен, что породило в свое время страстный выкрик Михаила Зенкевича: «... На бой непобедимые / идут с морского дна... / Товарищи, родимые, / скажите имена!...»

А вы, граждане, под высеченными из гранита лицами – да чебуреки трескать?!

Коктебель освинячился, Коктебель оскотинился. В случае с этим уголком Крыма (подозреваю, не только с ним) украинизация равнялась плебеизации. В основе распада – полное равнодушие властей к уникальной ауре, накопленному престижу, в хорошем смысле слова – снобизму. Не исключено, мстили гению места за фразу: «Я заехал в Киев случайно, чтобы родиться. Но в себе украинской культуры я не ношу». Так Максимилиан Александрович – по паспорту Кириенко-Волошин – отреагировал на предложенный ему титул «национального украинского поэта»... Хотя, вероятнее всего, не слышали самостийные власти ни о каком Волошине, не читали его сроду. Закапывали жемчужину Коктебеля (да и полуострова в целом) в навозную кучу – ибо понятия не имели, что с ней делать. Превращали землю, пропитанную

историей и культурой, в тупое гетто «Жри сегодня, пей сейчас».

Охотники на такой продукт находятся, к сожалению, и среди россиян. Вернуть Коктебелю былое достоинство необходимо еще и потому (даже в первую очередь потому), что начнут меняться приезжающие сюда люди. Выбить из мозгов пошлейшую философию сиюминутности – кому это по плечу? Только интеллигенции.

Я думаю, для Крыма был бы полезен общероссийский худсовет. Составленный из авторитетных, масштабных, уважаемых в стране деятелей культуры. Базис есть: и море, и пейзажи, и фрукты натуральные – куда там французским, и отели строятся (в том же Коктебеле появилось несколько приличных гостиниц; отдыхающие, зависая у буйка, судачат: эта принадлежит мэру города N., соседняя – начальнику базы)... Но – не отелями едиными, как справедливо заметил президент. Чиновники на местах будут решать хозяйственные задачи, а вот заново брендировать Крым, придать ему изящество, шарм, вариативность – задача для людей с тонким вкусом, увесистым культурным багажом и смелым взглядом. Как говорил Волошин: «Социальный заказ принимаю, но требую, чтобы он был умен и талантлив. Заказчик тоже должен быть талантлив».

Рекомендации талантливого заказчика – то бишь крымского худсовета – могли бы послужить для местных администраций руководством к действию. И появятся тогда в Кокте-

беле студии – литературные, художественные, театральные, начнутся мастер-классы, творческие вечера, кинопремьеры, музыка зазвучит хорошая – не два раза в год, а на протяжении сезона ежедневно. Дети, даст Бог, отвлекутся от сладкой ваты на фотографию, дизайн, лепку, поэтические конкурсы. Будут слушать про заснувшие вулканы и древние цивилизации... Расчистится набережная – потому что в Крыму деньги следует зарабатывать на красоте, а не вопреки ей.

Мы часто говорим о социальной ответственности бизнеса и практически никогда – об аналогичной ответственности интеллигенции. А с нас-то, пожалуй, спрос больше. Тем паче – для себя работаем. Сами преобразим Коктебель, поможем ликвидировать плебейское наследие – сами будем приезжать, рифмы на пляже складывать, к Золотым воротам плавать. Какими они начерчены на полях первой главы «Евгения Онегина», такими и сегодня вздымаются из моря. Почувствуй себя Пушкиным.

К Коктебелю напрямую относится еще одна цитата президента. Та, что активно повторялась после его встречи с депутатами: «Крым может... окончательно излечить рану, нанесенную нашему народу в результате драматического раскола XX века, восстановить связь времен, эпох, единство исторического пути России».

Максимилиан Волошин, по утверждению близких, уговаривал остаться в советской России и Алексея Толстого, и даже Горького. Для самого Волошина парижские мансарды за-

вершились до революции.

Чем труднее становилась жизнь, тем крепче припаивался Макс к России. Точкой спая стал Коктебель.

«Киммерийский сатир», бывший в действительности человеком одиноким и болезненно-целомудренным, делил дом со странниками всех мастей, покорно голодал, смиренно болел, не накопил лишнего рубля, жаден был только до книг. Главное же – сохранил живую душу, когда вокруг свирепствовало людоедство (не только в переносном, но и в прямом смысле). Лютовали и белые, и красные, а он, не владевший иным оружием, кроме пера и акварельной кисточки, метался по Крыму, спасая от расстрелов и красных, и белых. Мы вряд ли узнаем, правда ли Волошин умел силой мысли либо прикосновением руки вызывать и гасить пожары, однако в огне русской междоусобицы «Масенька» был безупречен. «А я стою один меж них / в ревушем пламени и дыме. / И всеми силами своими / молюсь за тех и за других»...

Жгучее солнце Коктебеля всегда примиряло левых и правых, идейных и двусмысленных, коммунистов и диссидентов. Сюда привозил свои фиги в кармане Мандельштам, доводя Андрея Белого до белого же каления – обедали, впрочем, за одним столом. Любовью к Коктебелю соединялись никак иначе не соединимые: скажем, Мариэтта Шагинян и Солженицын, в 1960-е посетивший Марию Волошину во время своего автомобильного турне по Крыму. Надо ли говорить, сколь важен Коктебель сегодня? Не тот, который име-

ется в наличии, но тот, каким мы могли бы его сделать.

...А кефирчик крымский, кстати, хорош. Для интеллигентного курортника бонус немаловажный.

Чего вы хотите, ребята?

12.02.2015

ГОД КУЛЬТУРЫ завершился, и газете с одноименным названием следовало бы освободить авансцену для профильных изданий, посвятивших себя русской словесности. Именно такой нам виделась собственная будущность: кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть. Дай повоевать другому.

Однако жизнь, как говорится, вносит коррективы. И если граждане, не допущенные в сакральное закулисье литературного мира, осмелятся по ходу 2015-го – изредка – высказывать свое частное недоумение, пусть коллеги-профессионалы отнесутся к нам снисходительно. Цитируя Михаила Зощенко: «Автор просит у этих лиц извинения за то, что он, работая в своем деле, мимоходом и, так сказать, как свинья, забрел в чужой огород, наследил, быть может, натоптал и, чего доброго, сожрал чужую брюкву».

Сначала жизнь внесла официальное открытие Года литературы, случившееся в МХТ имени Чехова. Нельзя ведь назвать скоропостижное, дурно подготовленное мероприятие состоявшимся. Залучить к себе с приветственной речью целого президента России (причем в тот исторический момент, когда у него имеются дела поважнее) и развить упомянутую речь школьным литмонтажом с явно тенденциозным подбо-

ром авторов – какой досадный прокол, какая игра на понижение...

Судя по мхатовской вечеринке, не существовало в русской литературе ни Тютчева, ни Некрасова. Ни Гончарова, ни Тургенева. Ни Шмелева, ни Бунина. Есенин, Рубцов, Шолохов, Твардовский – словно не рождались. Шукшин? А кто это? Ну, с Беловым и Распутиным – понятно: как они могут звучать в стенах, откуда вылупляются то Серебренников, то Богомолов?

«Чего вы хотите, ребята? – думала я, глядя на разнокалиберных начальников, приветливо растягивающих лица в партере. – Какого соработничества от культуры ждете, если считаете улыбку толерантности единственно допустимой реакцией? Ну, хоть брови насупьте – ведь половина русской литературы под нож ушла! Смеются над вами в вашем же присутствии, упорствуют в ереси, уверены, что вы опять и опять прогнетесь под неизменчивый либеральный мир... Хотите кому-нибудь здесь рассказать про патриотизм, скрепы, традиционные ценности? Думаете, кого-то на сцене и в зале волнуют санкции, грозовые предчувствия, Родина в опасности? Да им что совой о пень, что пнем о сову...»

Вкусовщина, короткая мысль, торгашеский цинизм, прозападный кукиш, а то и банальное невежество – в современной России все это, увы, живет не по углам. Это явления глобальные, занявшие ту пустоту, где обязана находиться политика в области культуры, стратегическое регулирование,

осмысленное руководство.

Для меня Год литературы начался открытием – не мхатовским, но личным и вполне шокирующим. Оказывается, сегодня в Москве практически невозможно купить Пушкина.

Не верите? А вы попробуйте. Я тут, обустроивая новый дом и не желая раздербанивать фамильную библиотеку, провела эксперимент. На полках главных книжных магазинов столицы обильно представлены «Пушкин и 113 женщин поэта», «Любовный быт Пушкина», «Гончарова и Дантес», et cetera. Сам классик занимает на полке пространство длиной примерно 0,75 м. Если «Сказку о рыбаке и рыбке» вы помните близко к тексту, да и «Капитанская дочка», изданная в стиле школьной хрестоматии, вам уже не по возрасту, что остается? Весь Пушкин «в одном томе» – снаряд для развития мускульной силы. Папиросная бумага, слепой шрифт, ни ссылок, ни примечаний. Ужимайся, солнце, бар нынче нету.

Ах, вам полное собрание? Будьте любезны – подарочный выпуск, в коже. Без малого 80000 рублей. Более бюджетно, хотя для рядового интеллигента тоже весьма кусаче – закатанный в целлофан (то есть неопределяемого содержания) трехтомник. 5 800.

Приличный (не «утопанный», с иллюстрациями и комментариями) Пушкин – у букинистов. Кого не смущают чужие книги в слегка потрепанном состоянии, может выбрать год: 1949-й, 54-й, 59-й, 62-й, 77-й... Тут одна заковы-

ка: разыскивать Пушкина по букинистическим – абсолютно нормально, если вы проживаете в стране под названием, скажем, Зимбабве. Но для России подобный дефицит – дикость. Для России верно следующее: если в доме нет хорошего, более или менее полного, издания Пушкина, значит, и дома нет.

А что штабелями громоздится на самом видном месте – у касс – в магазине на Тверской? «Dухless». Поперек книжки восторженный захлеб: «Теперь с автографом автора!».

Да зашибись (искьюз май бэд рашн). Некогда самая грамотная страна в мире «теперь» будет читать автограф Минаева. Когда, наконец, иссякнет это дебилоидное «теперь»? Когда у нас время сдвинется и пойдет вперед?

Вторая назойливая рекомендация – кипами повсюду, мимо не пройдешь – очередной опус Бориса Акунина. Человека, который отбыл на ПМЖ во Францию, предварительно сообщив: «С путинской Россией у меня нет точек соприкосновения, мне чуждо в ней всё. И находиться здесь в период всеобщего помутнения рассудка мне стало тяжело... Трезвому с пьяными в одном доме неуютно. Буду периодически навещать – смотреть, не заканчивается ли запой».

Не заканчивается, Григорий Шалвович, будьте финансово покойны. Пьем-с. Разве на трезвую голову такое возможно?

«Чего вы хотите, ребята?» – тянет спросить у разнообразных начальников, проникновенно заглядывая им в глаза. Каких перемен ожидаете, если не в состоянии влиять даже на

политику издательств и книготорговли? На какое улучшение человеческого материала надеетесь, отпустив в вольно-рыночное плавание отрасль огромной идеологической важности? Не нравится слово «идеологической», подставьте вместо него «воспитательной». Товарища Сталина с трибун цитировать необходимости нет, но почитать иногда, знаете ли, полезно. «Ты хочешь сделать передовой свою страну в смысле поднятия ее государственности, – подымай грамотность населения, подымай культуру своей страны, – остальное приложится». Так говорил человек, который знал все про силу слова. Не хуже сегодняшних российских либералов разбирался в нюансах.

...Пушкина я все-таки приобрела. Не за восемьдесят штук, конечно. Тот самый трехтомник. Дома распечатала, посмотрела – никому не советую. Бумага шершавенькая, буквы микроскопические. Шут с ними, с потраченными деньгами, – за Александра Сергеевича обидно. Чего мы хотим от грядущего, если в текущем все настройки сбиты, все ориентиры спутаны?

Напоследок – повторный пардон за потрапу брюквы. Но что-то плохо она у вас растет, ребята.

Вызывают? Отвечайте!

26.03.2015

ДВАДЦАТЬ шестого марта в Совете Федерации прошли парламентские слушания на тему «Государственная культурная политика и вызовы времени». Готовясь принять в них участие, я подумала, что с не меньшими основаниями можно было бы переформулировать повестку как «Государственная политика и вызовы культуры». На какой поединок выкликает нас время? С каким оружием выходит к барьеру, чем способно нас напугать? Санкциями? Кризисом? Перспективой снизить потребление? Но люди, лишённые ежесубботного шоппинга, вспоминают об удовольствиях другого рода. Книжки, музыка, любимое кино. А то и музеи. День с семьёй на природе, в конце концов.

Да, по отношению к тем, кто оказался – или окажется – на грани нищеты, это звучит почти издевательски. Однако скажем честно: подобная категория населения существовала у нас на протяжении последней четверти века перманентно, вне зависимости от цен на нефть. И по контрасту с чьим-то бездумным жированием их участь только усугублялась. Санкции же в той или иной степени коснулись каждого – а справедливость сама по себе утешительна.

Вдобавок, судя по соцопросам, большинство россиян прекрасно понимают, за что мы расплачиваемся. В деле сплю-

чения нации роль нынешнего кризиса трудно переоценить. Впервые за долгие годы во многих очнулась надежда, что рядом не волчары, не конкуренты, но – соотечественники.

Для российской культуры господин Кризис уже сделал больше, чем все мы, вместе взятые. Статистика книготорговцев, рейтинги телеканалов свидетельствуют о всплеске интереса к родной истории. Из посыла: «Нас давят за то, что мы отказываемся менять свое на чужое», сразу рождаются вопросы. А какое оно – «свое»? Кто мы, какие мы, откуда? Бывала ли Россия прежде в подобных ситуациях и каким образом справлялась? Дайте гражданам возможность получить ответ, не допустите, чтобы они вернулись в зону пофигизма, – и материальный урон от санкций компенсируется грандиозной моральной прибылью.

Тактически главный вызов времени – кризис – полезен. Другое дело, что стратегически он опасен: подъем страны (идти вверх всегда трудно, это под горку мы катились с веселым свистом) потребует от людей тех душевных качеств, которые вытравились из них двадцать с лишним лет. Надежный дом не построишь на песке эгоизма, цинизма, шкурничества. Перед государством стоит труднейшая задача – одновременно и наращивать темпы развития, и воспитывать необходимый для этого человеческий ресурс.

По второму пункту – кто в помощь? Теоретически – творцы. Говоря ответственно – кто угодно, только не они. Многое из того, что мы называем культурой, чуть ли не каждый день

бросает вызовы – государству, обществу, исторической логике. Как иначе расценивать круговую поруку театральных деятелей, которые заслонили новосибирского «Тангейзера» живым щитом? Народные артисты, руководители коллективов и творческих союзов, громкие имена... И не нашлось ни одного, кто сказал бы молодому постановщику: «Парень, остановись. Есть вещи, которые не следует трогать руками. Зачем ты множишь злость и раздражение? Люди сейчас в другом нуждаются».

А вы говорите «вызовы времени». Разве время пригласило Тимофея Кулябина в Большой? Нет, это сделал Владимир Урин. То был приятный, благородный, короткий вызов, иль картель. Государство опирается на Церковь, главный государственный театр поощряет шкодника предложением работы. Откровенный неприкрытый демарш.

Государственная культурная политика должна формироваться на основе общественного запроса. А запросов на ерническую эксплуатацию святынь в обществе сейчас абсолютно точно нет. Более того: возникни на сцене новосибирского театра не крест, а полумесяц или звезда Давида, о дальнейшем прокате «Тангейзера» – как и о постановках в Большом либо в «Лейкоме» – никто бы не заикался.

Увы, корпоративная солидарность стала для многих деятелей культуры потолком духовного подвижничества. Может быть, потому, что более высоких целей перед ними не ставят и других подвигов от них не ждут?..

Вызовы культуры опаснее вызовов времени. Ибо время тянет нас вперед, а культура зачастую топчется в болоте. Телеканал с самым большим охватом аудитории – Первый – две недели кошмарил население сериалом «Орлова и Александров». Это фильм про мрачную «страну стукачей и подлецов», которую возглавляет невежественный вурдалак. Народ в массе своей охотно доносит друг на друга, а считанные единицы людей порядочных стираются с лица земли. Государство, ведомое параноиком, придумывает на пустом месте шпионов, диверсантов, саботажников – как впоследствии, видимо, сочинило, высосало из пальца великую войну. Не было ничего, кроме болезненных фантазий сексуально озабоченного грузина. Понятно, что при таких обстоятельствах истеричка «Орлова» беспрестанно рыдает, а беспомощный «Александров» смотрит сквозь зрителя пустым взглядом либо яростно декламирует: «Мы живем, под собою не чуя страны», взывая: «Ося, Ося!». В смысле: Мандельштама на вас нет!

Попрошайка Утесов, диссидент Горький, завистник Пырьев... Берия вампирит в подвалах Лубянки – хотя на самом деле работал в те годы первым секретарем Компартии Грузии... Убийство Кирова летом... Мечты Александрова снять «Мастера и Маргариту» задолго до того, как к Булгакову пришло это название... Но все перечисленное – милый детский лепет, если мы вспомним, что отравленный букет Орловой преподнесли в 1952-м на Западной Украине, а в се-

риале это происходит до войны на Челябинском тракторном заводе. Собственно, нежелание обижать западенцев и помянуть бандеровцев дает авторам сериала исчерпывающую характеристику.

Полмесяца главный канал страны вынуждает зрителя ненавидеть государство. Пепел коротичевского «Огонька» стучит в чье-то сердце, и этим пеплом нам опять предлагают посыпать голову. А вы про «вызовы времени». Не время, а сценарист сериала пишет в «Фейсбуке» про одного из героев – Сталина: «Исчадие ада, абсолютное воплощение дьявола...» К Сталину, как к любому историческому персонажу, можно относиться по-разному. Но почему многомиллионная аудитория должна становиться заложницей чьих-то мелких симпатий и антипатий?

Высидивайте свою ненависть на кухне. История – тем более, относительно недавняя, тем паче на пороге 70-летия Победы – неподходящее поле для вымыслов и клеветы.

И главное: общественного запроса на противостояние личности и государства сегодня тоже нет. Напротив, в кои-то веки появился запрос на единение. Безнадзорно штампуемые поделки существуют в противофазе с жизнью страны и тем не менее ставятся в эфир. А значит, до культурной политики нам еще очень далеко.

«Орлова и Александров» – уже прошлое. Сохранившийся в репертуаре «Тангейзер» – настоящее. Теперь давайте приподнимем завесу грядущего. Как член экспертного сове-

та по современной драматургии я получила из Министерства культуры очередную порцию пьес с претензией на господдержку. Что хотят ставить театры страны?

Открываю файл. Авторский текст: «Через два года отец Михалыча умрет от туберкулеза, а мать сопьется. И тоже умрет. Михалычу придется бросить училище и вкалывать на двух работах, чтобы прокормить трех малолетних сестер. Потом сестры вырастут – двое из них станут проститутками, а третья, самая младшая, выйдет замуж за американца и уедет жить в Штаты. Она родит двух очаровательных близняшек и возглавит клуб молодых матерей в своем американском городе. И никогда, никогда и никому она не расскажет правды ни про отца, ни про мать, ни про брата и сестер, ни про страну под названием Россия». Не буду выдавать, какой конкретно театр просит у Минкульта деньги на воплощение этой душераздирающей истории. Почему-то снова сибирский. Может, в Сибири надо что-то поправить?

Другой файл. Ремарка к первой же сцене: «Виден фрагмент ванны. Девушка заходит вовнутрь... Видно как она снимает трусы, вернее, небольшой фрагмент коленей и белья на лодыжках, и, по всей видимости, садится на унитаз»...

Третий. «МАША. Мама, а я беременная после нового года, но не знаю, кто отец. Их там было шесть человек потенциальных отцов, и я не помню, которые из них».

Четвертый.

«ОЛЯ. Ну что? Написал? Он что?»

ЛЕША. Он пишет, что окей. Говорит, каунтер страйк пятый уровень прошел.

ОЛЯ. А про Светку что пишет?

ЛЕША. Пишет про какую-то Катю. На велах зовет кататься.

ОЛЯ. Такедь...»

Да, ценой времени и нервов отдельных членов экспертного совета эти постановки, возможно, удастся остановить. Но так серьезные задачи не решаются. Государственная культурная политика должна быть системой не запретов, а стимулов. Противостоять вызовам труднее, чем предупреждать их – улавливая и формулируя от лица государства тот самый общественный заказ. Объясните молодым драматургам, что «так едь» – не обязательная форма русского языка. Промонстрируйте режиссерам, что премии дают не только за унитазы. И, поверьте, многие из них вздохнут с облегчением.

«Тангейзер»: не диагноз, а симптом

09.04.2015

ЗА МИНУВШИЕ две-три недели Отечество наше пережило культурную революцию. Странное слово «Тангейзер» сотрясает страну от Калининграда до Владивостока с эпицентром в Новосибирске. Фамилию Вагнер усвоили даже те, кому раньше за глаза хватало Меладзе. Фраза из новостных программ: «И об опере» – действует, как боевой клич, собирая народ к экранам. Известный прежде узким кругам режиссер Кулябин по плотности упоминаний в СМИ не уступает Коломойскому.

Я принимала участие в целом ряде заседаний, советов и ток-шоу, посвященных новосибирскому «Тангейзеру», а потом одумалась и завязала. «Спасибо, нет», – отвечаю теперь на звонки. Раздаваться они будут наверняка еще долго: не умея создавать события, журналисты упиваются всяким скандальчиком, как дворняга любимой костью.

Почему завязала? Жалко времени на игру в притворяшки, где по нарастающей (и, увы, со всех сторон) идет приумножение разнообразных лукавств. Самое малоприятное в истории с «Тангейзером» – все всё понимают, однако и сами живут в системе допусков, и другим навязывают удобную мину.

Давайте делать вид, что у российского театра существуют

какие-то свои особенные хвори, которые можно излечить локальными припарками. Главное – не обобщать. Потому что обобщение может вдруг вывести проблему на совершенно иной уровень, потревожить влиятельные мозоли.

Давайте верить, что «Тангейзер» – досадная случайность, уродливая диковина. Ведь если так, можно устраивать вокруг него искусствоведческие хороводы, до неразличимости замыливая суть вопроса.

Давайте примем за аксиому, будто Борис Мездрич – главный провокатор театральной России, новый «мистер Нет». Прочим – белым и пушистым – руководителям трупп за Бориса Михайловича просто неловко.

Давайте раз и навсегда приговорим, что против «Тангейзера» выступают охранители-мракобесы, способные только тащить и не пущать. По ночам им снятся реперткомы, Главлиты и цензурные уставы. Художник в их представлении – человек, вибрирующий перед начальственным кабинетом... Как легко и приятно бороться с такими оппонентами! Можно голосить а-ля торговка рыбой на одесском Привозе, допустимо нести ахинею типа: «Пусть православные граждане встретятся с театральными деятелями», «Если мне не нравится священник, я иду в другой храм». Путаница понятий, смешение белого с острым, душевная глухота прощаются, если визжишь ты за «свободу творчества».

Давайте прикинемся, будто талант режиссера определяется «Золотой маской» – это позволит произвести Тимофея

Кулябина в мэтры. Кто-то в запале даже сравнил его с Бродским: оба, мол, пострадали от государства. А что такого? Иосиф Александрович умер, ему все равно, а нам приятно.

Попробую напоследок разгрести завалы этих лживых допущений. Начнем с того, что «Тангейзер» – не экспонат кунсткамеры, но рядовое явление. Мездрич пострадал практически безвинно: в том смысле, что подобными – и даже куда более хулиганскими аттракционами – охотно пробавляются наши ведущие сцены. Однако там должности худруков и директоров занимают «юпитеры», а Мездрич – несмотря на опыт – все-таки застрял в категории «бык обыкновенный». То, что позволено более именитым коллегам, для него обернулось крахом карьеры. На эту несправедливость Мездрич и сам тонко намекнул в интервью: «История с «Тангейзером» – не частный случай. А вдруг завтра кому-то не понравится «Идеальный муж» у Табакова... Вот что тревожит». Так нарушитель на бюджетной иномарочке, зависая возле поста ДПС в ожидании протокола, подкалывает инспектора: «Ваша удача, товарищ поставой, что вы именно меня тормознули. Вон «мерин» с крутыми номерами пронесся – не меньше двухсот в час. Мог бы сбить и не заметить...»

Далее. Никаких уникальных диагнозов у отечественного театра нет. Новосибирский «Тангейзер» – один из многочисленных симптомов всеохватной болезни. Московский второклассник приносит из школы новогоднюю песенку: «Закрывай-ка глазки, ложись и спи, завтра будет новая PSP»; веду-

щие церемонии «Ника» издеваются над президентом страны – целый зал кинематографистов радостно подхихикивает; и так – куда ни ткни, везде намалеванный очаг на гнилой стене. А мы все притворяемся. Вот борьба за облик морале – запретили гей-пропаганду. Соответственно в сериале «Орлова и Александров» единственная фигура умолчания – личные пристрастия Эйзенштейна. Зато выставять СССР как страну подлецов и доносчиков можно, насчет этого законы не писаны. Вот забота о народном здоровье – лучшие советские фильмы предваряются анонсом: «Содержит сцены курения». Табак опасен для здоровья, кто бы спорил. А поправление святынь – не опасно? Я сейчас не только о Православии говорю. Есть еще наша совместная история, держава, где родилось большинство нынешнего населения России, имена, к которым принято относиться если не с пиететом, то с осознанием масштаба.

Для недужного общества культура могла бы поработать доктором, однако сама оказалась на койке в карантинном боксе. Куда без страха заходят либо люди с выдающимся иммунитетом, либо те, кто по сути своей – инфекция и любой заразой принимаются, как родные.

Государственных, амбициозных задач деятелям культуры официально не предлагают. Никто не говорит: «Вы в ответе за нравственное состояние своих соотечественников, за психическое – а значит, во многом и за физическое – здоровье нации. Пишите, ставьте, снимайте, работайте ради человека.

Каким он станет завтра, в огромной степени зависит от вас». Планку, долгое время валявшуюся на полу, наконец, установили – чуть выше плинтуса. «Э-ээээ... Не могли бы вы, занимаясь самовыражением, никого не оскорблять?» Какая там «волшебная сила искусства», «театр-храм», «сцена-кафедра» – все забыто. Уровень общения, словно с дефективными. Постарайтесь не напачкать – уже спасибо.

У театра есть только одна реальная специфика: долгие годы им никто не интересовался. Возможно, в силу низкой капитализации, отчасти – потому что театр, даже на самых крупных площадках, считается безнадежно камерным видом искусства. При этом забывается, что спектакль идет несколько сезонов, что воздействие живого искусства (или антиискусства) по силе сродни радиации, и вокруг многих постановок формируется мощное поле, которое притягивает не случайную, а вполне определенную публику. Скажем так: театральная аудитория значительно меньше, чем киношная, но она гораздо лучше организована.

Такой разлюли-малины, как на бюджетных подмостках – «а ты дай денег и отойди», те же кинематографисты отродясь не знали. Понятно, что первые попытки контроля со стороны государства воспринимаются как несовместимые с жизнью. Начинается массовый спектакль-агония «Изображая жертву». Приемка спектаклей приравнивается к цензуре, худсоветы – к расстрельным тройкам. Лично я убеждена, что худсоветы необходимы – это санитарно-гигиениче-

ская норма. Причем именно на предпремьерной стадии. Одной лишь защиты проектов недостаточно: «Левиафан», например, успешно выдержал питчинг, получил финансирование, а различия между сценарием и результатом обнаружились только на экране.

При этом «охранители-мракобесы» не устают повторять, что надзором, отказами, штрафами проблемы отечественной культуры не решаются. Культура – совокупность того, что выпущено, а не того, что запрещено. Лучший метод борьбы с русофобским, циничным, агрессивным – вытеснение на обочину. Замещение глубоким, гуманистичным, доброкачественным, своим. Поиск талантов, социальный лифт, конкурсы в масштабах страны, госзаказ. Государство нуждается не в подобострастных вылизывателях общих мест, а в неудобных, порой колючих, но искренних самородках. Нужен Шукшин с его кредо: «Форма – она и есть форма: можно отлить золотую штуку, а можно – в ней же – остудить холодец... Произведение искусства – это когда что-то случилось, в стране, с человеком, в твоей судьбе».

Все – и в первую очередь защитники «Тангейзера» – прекрасно понимают, что режиссерски этот продукт банален, вторичен. Более того, для специалиста (хоть либеральных, хоть консервативных взглядов) очевидно, что исчезновение в стране профессиональных оперных постановщиков и хореографов и полная их замена режиссерами драмы – бред. Балет и оперу оккупировали люди, не сразу научившиеся

отличать первое от второго. Подобная путаница была свойственна и Глебу Жеглову, однако он посещал Большой театр с иными целями. Не рвался ставить «Героя нашего времени». Феномен, возникший как экзотика, сегодня превратился в мейнстрим.

Я по-прежнему убеждена, что основная вина в скандале с «Тангейзером» лежит на театральном сообществе, и прежде всего – на лидере СТД. Вместо поощрения молодого «тангейзермена» и охраны цеховой неприкосновенности (наши всегда правы, потому что они – наши) стоило призвать оппонирующие стороны к диалогу, выступить миротворцем. Народный артист России и митрополит – достойные собеседники. За такими поисками взаимопонимания могла бы уважительно следить вся страна. Кстати, «тангейзергейт» попутно выявил коммуникативный изъян: несмотря на огромное количество государственных и общественных площадок, ни одна из них, как выяснилось, не пригодна для конструктивной беседы. Негде собраться, чтобы не на публику, не под запись, а по-домашнему, за чаем с баранками найти разумный компромисс.

Да, список в поддержку «Тангейзера» по ряду фамилий совпадает с защитниками «пусек». Однако постер с распятием на женских гениталиях, верю, не может понравиться ни Александру Калягину, ни Евгению Миронову, ни Галине Борисовне Волчек... Снова: все всё понимают, однако делают вид. Пока притворство не перестанет быть главным жанром

в искусстве, будут продолжаться митинги, казачьи пикеты, срывы спектаклей и выставок – ибо других способов скорректировать безудержную фантазию творцов у общества нет.

Свиная голова на ступенях МХТ равноценна «Идеальному мужу» на его сцене. Хорошо бы в нашей жизни однажды не нашлось места ни тому, ни другому.

О пользе сытости

14.05.2015

ОБЕЩАЮ накормить страну – вкусно, качественно и доступно, – заявил новый министр сельского хозяйства, в недавнем прошлом – губернатор Краснодарского края Александр Ткачев.

Бог вещь, сдержит ли слово, но сам факт столь конкретного, я бы сказала – слюноотделительного посула вдохновляет. Предлагаю перенести это деловое и ясное целеполагание в область культуры. Наша задача – накормить народ. Досыта. От пуза. Чтобы не хватало только птичьего молока – того, которое без кавычек.

Лопайте, товарищи. Трескайте, дамы и господа. Насыщайтесь. Все экологически чистое, без вредных примесей, с грядки, с дерева, с пылу, с жару.

Настаиваю: российской культуре нужна своя Продовольственная программа. Мечтаю о временах, когда наши арт-«прилавки» начнут ломиться от аппетитной снеди – чтобы глаз разбегался. Сплю и вижу молочные реки тонкого психологического реализма в кисельных берегах оригинальных художественных решений. Хочу, чтобы бутафорская роскошь «Кубанских казаков» обрела сочную мякоть и хрустящую свежесть прежде всего в нашей культуре.

Среди патриотов-аскетов стало модно адресовать согражд-

данам упрек: вы, мол, слишком много кушаете. В смысле – зажрались. Тенденция к затягиванию поясов коснулась уже и культурной сферы: одно запретить, другое заморозить, третье объявить ядовитым, фарш попытаться повернуть назад.

Но – чем рвать последний кусок изо рта у дистрофика, может, лучше накрыть раблезиански обильный стол? Поменьше ограничений, побогаче меню. Дело, конечно, хлопотное, зато и окупится общенациональная трапеза сторицей. Обернется здоровьем и моральным, и физическим.

В диету как средство от бескормицы – не верю. Духовное голодание – не считаю лечебным категорически. Убеждена: мы имеем дело с давно и безнадежно постящимися людьми. Не забывайте: те, кто любит покричать о сталинском голодоморе, за последние двадцать пять лет устроили стране свой изощренный голодомор – культурный. Раздельное (с народом, с традициями, с совестью) питание для «креаклов» и ларечный ассортимент – чипсы под газировку – для «быдла».

Кажущееся изобилие обманчиво: это пустая еда, от которой личность не растет, а только зашлаковывается. Одноразовые книги, фильмы, спектакли вызывают изжогу и мутноту. «Вроде 60 каналов в телевизоре, а посмотреть нечего», – день за днем привычно изумляются наши оголодавшие соотечественники.

Громкие премьеры напоминают картошку фри: пока горячая, есть можно, на завтра от солевых остатков – рвотный

спазм. Вот уже четверть века необходимые витамины, микроэлементы, аминокислоты, белок для поддержания мышцы патриотизма и сложные углеводы нестыдных развлечений мы получаем в основном из советских припасов. Которые язык не повернется назвать консервами.

Пользуясь гастрономической безграмотностью новых поколений, продюсеры меняют шеф-поваров на кухарок, рецепты Молоховец – на общепитовский эрзац, приучают творцов крошить в оливье любительскую колбасу. Эта порочная практика захватила даже те заведения, где три мишленовские звезды держались веками. Я тут отведала премьеру «Восемь любящих женщин» в Малом театре. С тоской глядя на сцену, вспоминала уже не актуальное – из Власа Дорошевича: «Что бы там ни было, но лучше, чем в Малом театре, все-таки в России не играют нигде». И поражалась, как возможно на столь прославленной кухне приготовить такое антрепризное варево, такой откровенный «доширак». Публика искренне аплодирует – ибо слаще морковки давно ничего не едала. Тем более, что на фоне «Гоголь-центра» убогие «Восемь женщин» – нектар и амброзия. Правда, выходя из зала, обсуждают любые темы, кроме спектакля – нечему усваиваться, прошел насквозь...

Культурное недоедание привело страну к рахиту, чахотке, изменению гормонального фона.

Главный выход лично я вижу в резком увеличении разнообразия и качества отечественного культурного продукта.

Как решается задача, поставленная министром Ткачевым? За счет поддержки родного производителя, предоставления ему преференций и льгот, поощрения фермерства. В культуре – то же самое.

Хватит дотировать тех, кто кормит народ помоями. Причем однотипными: скажем, вся «новая драма» и модная режиссура – это типичный сетевой фастфуд, не различающийся в Москве, Питере, Пскове, Новосибирске. Надо дать возможность пробиться новым новым – искать их по стране, задействуя в том числе местные отделения творческих союзов, проводить общероссийские конкурсы – не ради пиара членов жюри, а ради выявления нескоропортящихся талантов. Крепко связать молодых с мэтрами, которые, слава Богу, еще живы. Возродить значение школы, ученичества, долгого кропотливого труда. Вернуть молодым дарованиям чувство перспективы – прямой и обратной, жизни не только в сиюминутности, но в прошлом и в будущем. Тащить вперед и вверх непохожесть, неповторимость – вместо лакейского умения сделать «Точь-в-точь» или «Один в один». Скворец – милая птичка, но России сегодня необходимы соловьи.

Долой профанское сыроедение («художник так видит») и ханжеское вегетарианство («пусть не талантливо, зато нравственно»). Прочь диеты по идеологической группе крови. Отогнав от плиты профессиональных либералов, не подпускайте к ней профессиональных патриотов. Не позволяйте язвенникам составлять книгу «О вкусной и здоровой культу-

ре»: лозунги малокалорийны. Жить надо не лозунгами, жить надо душой.

А душа, если ее разохотить, требует продолжения банкета. Растите гурманов, приучайте человека с малолетства к богатейшей национальной кухне, потом – к лучшим кухням мира. Кладите, не бойтесь, и соль, и перец. Даже пикантность уместна, если превращает блюдо в деликатес, а не в причину моральной язвы.

Воспитывайте вкус, он – лучшая защита организма от отравы. У человека с развитым вкусом выставки Гельмана, книжки Акунина, дизайн Лебедева полетят в мусоропровод, как просроченный йогурт. А вот два десятка песен Макаревича останутся – невзирая на раннюю деменцию автора.

В отличие от безудержного чревоугодничества, душеугодничество – то есть насыщение души – и полезно, и безгрешно. Вкусно должно быть жить на этом свете, господа. Представляю будущую – нажористую – культурную жизнь. Афиши трещат от спелости – мы уписываем за обе щеки, что не съедим, то понадкусываем. Естественно, начнутся капризы: это для нас недостаточно изящно, это не вполне самобытно. Мы забудем времена, когда лакомились мороженым «Леви-афаном»: сытый голодного не разумеет. Нам снова позавидует Европа: какой балет, какие фильмы, какие голоса! Сам бы ел, да денег мало...

Уповаю, что вот-вот к 9 Мая, 12 июня, 18 марта появятся новые хиты – и не исчезнут ни через месяц, ни через год.

Стыдно: одна какая-нибудь «Песня-75» покрывает все постсоветское песенное творчество, как бык овцу.

Здоровое духовное питание облегчает воспитание. Улучшает взаимопонимание – между гражданами разных возрастных и социальных слоев. Концентрирует внимание, усиливает желание, обеспечивает процветание.

А вот вопрос на перспективу – не превратятся ли лукулловы пиры в Демьянову уху, меня сейчас абсолютно не волнует. Будем снимать проблемы с шампура по мере их готовности. До культурного пресыщения России пока очень далеко.

Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко: «Культура – огромный ресурс экономического и социального развития»

28.05.2015

МИНУВШИЙ ГОД стал, без преувеличения, прорывным для отечественной культуры. Впервые за долгое время мы начали обсуждать не только форму, но и содержание. Впервые после десятилетий стыдливого молчания заявили о неразрывной связи культуры и нравственности. О национальных корнях и долге художника перед своим народом. Общество, власть, значительная часть творческой интеллигенции сошлись на том, что культура – не корпоративная делянка, а дело государственной важности. Хотя 2014-й позади, работа продолжается. Активнейшее участие в ней по-прежнему принимает Валентина Матвиенко. Именно спикер Совета Федерации обратилась к Владимиру Путину с предложением провести в России Год культуры и после выхода соответствующего президентского указа возглавила оргкомитет по проведению Года.

Вопросы развития российской культуры по-прежнему находятся в круге неусыпного внимания Валентины Ивановны. Председатель верхней палаты российского парламента отве-

тила на вопросы главного редактора газеты «Культура» Елены Ямпольской.

– Тематические годы в России проводились и прежде. Но о реальном общественном звучании впервые можно говорить лишь применительно к Году культуры. То, что скептики заранее прогнозировали как совокупность мероприятий для галочки, на поверку оказалось платформой для поиска смыслов. Люди спорили страстно, горячо. Вы прекрасно об этом знаете, поскольку сами находили время присутствовать на заседаниях и диспутах. Чем, на Ваш взгляд, объясняется этот феноменальный резонанс?

– На мой взгляд, просто время пришло. И мы благодарны президенту России В. В. Путину за то, что он сразу поддержал нашу инициативу. Год культуры в 2014-м, нынешний Год литературы – первый масштабный общенациональный смотр положения дел в этой сфере. Причем власть, общество, деятели культуры не просто окинули взором общее состояние и провели некую «инвентаризацию». Что меня очень радует, идут настоящие интеллектуальные атаки – с широким привлечением институтов гражданского общества, всех граждан страны, кому близка, дорога культура. А таких людей, как мы убедились, большинство.

Нам удалось поднять, всколыхнуть интерес к теме. Это факт, что прежде у федеральной власти, региональной, местной, у самих творцов были различные – хотя не скажу, что

концептуально противоположные, – взгляды на положение дел в культуре, на то, что следует сделать в первую очередь. В результате совместной системной работы в течение года, диалога с обществом, дискуссий с участием средств массовой информации мы сейчас выработали общее понимание – что нужно стране, обществу в области культуры, каким они видят ее развитие. Принятые под занавес 2014 года «Основы государственной культурной политики» – это, по моему глубокому убеждению, документ общенационального согласия и стратегического значения.

Речь ни в коей мере не идет об «огосударствлении» культуры. Напротив: все последние годы шел непростой, но необходимый процесс выстраивания новой модели взаимодействия между государством и деятелями культуры. Я бы сказала, модели демократической, основанной на взаимном доверии государства и творцов, работников культуры. На мой взгляд, мы в этом направлении существенно продвинулись, и Год культуры это зафиксировал, утвердил, закрепил.

Как вы правильно отметили, важно то, что он не свелся к набору фестивалей, концертов, конференций. Его площадкой стали поселки, малые города, все наши регионы, все российские люди с их потребностями и запросами, а важнейшей составной частью – укрепление, развитие инфраструктуры культуры: библиотек и театров, музеев и сельских клубов. Совершенно очевидно, что у властей на местах разительно изменилось отношение к культурной сфере, и они уделяют

ей сегодня гораздо больше внимания – это тоже прямой результат Года культуры.

Мы еще раз убедились: для российских граждан культура – не только форма проведения досуга, но и неотъемлемая часть их интеллектуальной, нравственной, духовной жизни. Это присуще многим странам и народам, но в нашем Отечестве культура всегда играла и продолжает играть особенно важную роль. Она формирует, сохраняет, укрепляет нашу национальную идентичность. В этом отношении культура выше и сильнее любой идеологии. Та может периодически меняться, а вот базовые ценности нашей культуры незыблемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.